

О пользе проклятий

Автор:

Оксана Панкеева

О пользе проклятий

Оксана Петровна Панкеева

Хроники странного королевства #2

Если вам не везёт ни в труде, ни в личной жизни, да настолько, что даже перемещение в иной мир ничего не может исправить, – это плохо. Если завистливым соперницам показалось недостаточным наложить на вас проклятие и они прилагают все усилия, чтобы отправить вас в пасть дракона, – это ещё хуже. Если друг ничем не может вам помочь и, более того, сам вот-вот потеряет корону по милости доверчивого дядюшки – это совсем плохо. Но если в ваш дом однажды занесёт отставного убийцу, которому по пятницам снятся малознакомые покойники, – это может оказаться к лучшему...

Оксана Панкеева

О пользе проклятий

Пролог

Ольга печально оглядела свое жилище. Единственная комната выглядела так, словно в ней неделю кутило целое племя варваров, но наводить порядок у хозяйки не было ни сил, ни желания, как и весь прошедший месяц... Пардон, луну. Пора привыкать к местному календарю, нравится или нет, но это на всю жизнь. Не январь, а Серебряная луна. И что в ней серебряного? Ветер, слякоть,

а снег если и соберется два раза за всю зиму, то тает, даже не долетев до земли.

Грустно на все это смотреть, тоскливо и тошно. То ли из-за погоды, то ли с переселенцами всегда так?.. Стресс там, ностальгия, все такое?..

Три месяца, вернее три луны назад, когда Ольга попала в этот сказочный мир Ортана, все выглядело совсем не так. Прежняя жизнь, которую при всем желании нельзя было назвать удачно сложившейся, осталась где-то далеко за пределами пространств и времен, и возможность начать все заново казалась заманчивой. Некоторое время.

А потом все вдруг стало быстро и беспощадно возвращаться на круги своя. Об этом следовало бы догадаться сразу – если уж человеку не везет ни в труде, ни в личной жизни, то тут мало что зависит от мира, в котором он живет.

Справедливости ради надо сказать, что финансовое положение Ольги по сравнению с прежним значительно улучшилось, но это ее мало радовало. Жалованье в Королевской библиотеке надо было зарабатывать пусть не тасканием тяжестей, но испорченными нервами и постоянными стрессами. Специально, что ли, в эту библиотеку такой коллективчик подобрали? Как подумаешь, что завтра опять туда идти, так и жить не хочется... Такие вот успехи в труде.

Что же касается личной жизни, то всяческие иллюзии касательно прогресса в этой области рассеялись с первых же дней пребывания в новом мире. Все повторялось с удручающим постоянством. А как же могло быть иначе? Если раньше всегда оказывалось, что парень, который ей нравится, непременно влюблен в ее же подругу, то почему теперь что-то должно было измениться? Понятное дело, если б она при перемещении вдруг волшебным образом преобразилась в писаную красавицу, может быть, что-то бы и повернулось иначе... А может, и нет. Тогда было бы хоть немного легче.

Симпатия Жак, личный шут и задушевный приятель его величества, специалист по адаптации переселенцев, пользовался большим успехом у противоположного пола, и, следует признать, шансов у Ольги при такой конкуренции не было. Даже если бы она была красавицей. Ведь сколько красавиц ни украшали собой расписание свиданий любвеобильного шута, его сердце принадлежало и будет принадлежать одной-единственной – ученице лекаря Терезе, которая до сих пор

не позволила Жаку ничего больше братского поцелуя в щечку. Странная они пара, Жак и Тереза, до сих пор большинство знакомых с удивлением гадают: что их может связывать? Он – легкомысленный, острый на язык, с крайне смутными представлениями о том, что такое скромность. Она – серьезная, ответственная, всегда очень сдержанная в суждениях. Тереза – человек глубоко и искренне верующий, а Жак – воинствующий атеист. Он безалаберный, она аккуратная. Он не пропустит ни одной хорошенькой девчонки, она может взирать на мужское тело без отвращения только на операционном столе. Она учится на хирурга, он падает в обморок при виде крови... Перечисление противоположностей можно продолжать бесконечно, но эти двое каким-то образом умудряются любить друг друга. Может, дело в том, что они оба переселенцы? Только Жак почему-то тщательно скрывает этот факт и чего-то очень опасается. Ольге он так и не сказал, чего именно, только намекнул, но был при этом настолько серьезен и даже испуган, что Ольга и настаивать не стала. Он и так всего на свете боится, зачем беднягу лишний раз травмировать?

С Жаком они остались друзьями. Так с ней обычно бывало и прежде – из несостоявшейся любви, если ее не афишировать и вообще поменьше проявлять, может вырасти хорошая дружба. Кстати, друзья – это, пожалуй, единственное, в чем ей более-менее везло в обоих мирах. Вот Жак с Терезой, например. Или Элмар с Азиль, у которых она жила первое время. Тоже странная пара, но какие ребята замечательные!

Принц-бастард Элмар, первый паладин короны, герой в отставке, великий воин и плохой поэт, огромный, надежный и безгранично великодушный, – это друг, о котором можно только мечтать. Если бы он еще хоть чуточку поменьше пил... Нет, Ольга ничуть не хуже относится к нему из-за этого, но вот сам он имел бы гораздо меньше неприятностей и поводов для раскаяния, если б всегда соображал и помнил, что делает и говорит.

Несравненная Азиль, его возлюбленная и вроде как невеста, до сих пор оставалась для Ольги загадкой. Как, впрочем, и для большинства местных жителей. Нимфы встречаются редко, и люди знают о них очень мало. Вроде бы на первый взгляд нормальная девушка, только очень красивая. Но иногда вдруг как посмотрит... а потом как скажет... И сиди полдня, догадывайся, что она имела в виду. Или выйдешь с этой подружкой по городу прогуляться, а она вдруг на полпути вцепится в незнакомого мужика с вечным своим предложением провести ночь вместе. Хорошо хоть не прямо сразу! Смотрит потом невинным детским взглядом и объясняет, что так, дескать, нужно

и правильно. Что ж, ей виднее. Что-то она такое видит, в чем даже маги не всегда могут разобраться, а уж простым смертным такие тонкости и вовсе не доступны. Таким, как Ольга, например. Ее неспособность к магии оказалась настолько дремуча, что некоторые виды заклинаний на переселенку даже не действовали. Иллюзии, в частности, оставались где-то за гранью ее восприятия, а может, и не только они, проверять ни у кого не нашлось времени.

С некоторой натяжкой к друзьям можно было отнести и принца Мафея, но этот славный мальчишка-эльф с заостренными ушками бывал у Ольги очень редко и только в сопровождении Элмара или Жака. Сам парнишка наверняка бы хотел бывать в обществе старших почаще, но его наставник мэтр Истран был строг, и отлынивать от уроков магии ради сомнительных хождений по гостям его юному высочеству не позволялось. Мафей со всем соглашался, но, стоило мэтру хоть на пару минут отвернуться, тут же отлынивал от занятий ради каких-нибудь магических шалостей. Обожал он, например, пошарить шкодливymi ручонками где-то между мирами и притащить в свою спальню что-нибудь невиданное. Таким образом попала в Ортан и сама Ольга, угодившая в руки сопливному искателю приключений, зато и чудом избежавшая верной смерти. Как оказалось, только для того, чтобы тут же напороться на новые неприятности.

Причиной этих самых неприятностей послужил еще один друг. Или теперь стоит говорить «бывший друг»? Или о коронованных особах вообще так говорить не положено? Словом, он был. И был он почти целую луну. Его королевское величество Шеллар III. К чести его величества, на короля он был совсем не похож. Настолько, что Ольга при первом знакомстве приняла его за обычного полицейского. Да и впоследствии с трудом укладывалось в голове, что она общается с главой государства. Скорее его величество воспринимался как любимый преподаватель в институте. Видишь, что человек замечательный, но чувствуешь, что между вами лежит огромная пропасть знаний и опыта, а также солидная разница в возрасте. Хоть и оказалось впоследствии, что не такая уж и солидная, но все же его величество относился к тому типу людей, которых произвольно называешь по имени-отчеству, даже если они на этом не настаивают.

Помимо упомянутых достоинств была у короля одна черта, которую сложно было отнести однозначно к достоинствам или недостаткам. Неумное любопытство, которое он удовлетворял, общаясь с переселенцами. Само по себе частое общение Ольгу не напрягало – поговорить с умным и интересным человеком

всегда приятно, будь он хоть сто раз король, – но вот один стратегический момент она по наивности упустила. Его величество Шеллар III был холост и постоянно пребывал под неусыпным наблюдением потенциальных невест. Из-за этого все и случилось. Бдительные придворные дамы заподозрили своего повелителя в серьезных намерениях по отношению к Ольге, а соперниц при дворе не жаловали. Справедливо рассудив, что в случае примитивного убийства отмазаться им не удастся, дамы привлекли подпольного некроманта, дабы извести нахальную переселенку более тонким способом. Маг им попался неопытный, просчитался в своих заклинаниях и в результате сам поплатился жизнью, а незадачливая Ольга (ну когда ж у нее хоть что-то случалось как у людей!) получила такое недоделанное проклятие, что ни один специалист не смог объяснить, чего ж ей теперь ожидать. А король... как ни прискорбно это сознавать, его величество после этого случая тихо и незаметно исчез из ее жизни. Даже не попрощался.

Сначала Ольга считала, что это временно, даже спросила пару раз у друзей, отчего это король больше не появляется. Элмар предположил, что кузен, наверное, сильно занят государственными делами. Жак уклончиво сообщил, что у короля сейчас большие проблемы. А больше Ольга спрашивать не стала. Что тут непонятного? Кончилась сказка. Сиди, дорогая подруга, и жди, когда к тебе явится твой «мертвый супруг», который к проклятию прилагается. Можешь даже радоваться, что он на самом деле оказался не мертвый, а вроде бы живой, спасибо недотепа-некроманту. Ну а то, что он однорукий калека, что у него физиономия страшней атомной войны, что он еще может быть и психически болен, – это мелочи. Зато живой. А когда-то еще и красивый был, можешь на портрет полюбоваться... И что с ним делать, если он в самом деле явится? Азиль утверждает, что люди, связанные магией, обязательно должны встретиться. И сама прилагает все усилия, чтобы этой встрече поспособствовать. Даже какого-то полужнакомого мистралийского повстанца озадачила просьбой поискать среди своих соратников пропавшего без вести барда Эль Драко. Как будто этому бедному мистралийцу делать больше нечего... Своих проблем, поди, хватает. Но с другой стороны, когда Азиль о чем-то просит, мало какой мужчина находит в себе силы отказать. Вот и этот господин, что бы там ни говорили о его патологической неприязни к женщинам, все же не устоял перед взглядом очаровательной нимфы и пообещал поискать. Одно только непонятно – чем его так заинтересовала сама Ольга, что ему вдруг стукнуло в голову искать с ней знакомства? Виделись-то всего один раз и мельком, даже не разговаривали... Может, Азиль что-то ему наплела? Она ведь такая болтушка – даже то, о чем ее просят помалкивать, растрепывает направо и налево. А тут и не просил никто. Правда, сама она утверждает,

что мистралийца заинтересовала музыка другого мира, но звучит это как-то неубедительно.

Сама же Ольга знала об этом человеке слишком мало, чтобы делать какие-либо предположения. Только то, что вспомнил король из неполного и коротенького досье. Да еще то, что увидела Азиль, магическим образом в незнакомца заглянув.

Звали этого господина... как же его звали... кажется, Кантор. В лицо Ольга его вообще не запомнила, слишком мало видела. Заметила только, что интересный мужчина. Высокий, смуглый, длинноволосый... Глаза черные, горячие... Усы еще были, но король сказал, что фальшивые. И все. Со зрительной памятью у Ольги всегда были проблемы, встретить она этого мистралийца еще раз, не узнала бы. Особенно если без усов и среди других таких же чернявых.

Профессия у господина Кантора была более чем экзотическая, и, хотя его величество пояснил, что мистралиец убивает людей не за деньги, а в процессе борьбы за свободу, все равно было немного страшновато. Нет, ту конкретную ведьму, за которой охотился Кантор в момент их встречи, Ольге не было жалко ни капельки – эта зараза чуть не погубила бедного Элмара, а за своего друга Ольга и сама бы любой злодейке голову открутила. Но ведь были и до того... и после... Словом, все равно жутковато. А вот Азиль, похоже, не видела ничего особо страшного в общении с убийцей и чирикала с ним мило и ласково, как со старым приятелем. Даже пожалела, хотя по виду этого кабальеро трудно было предположить, что он нуждается в чьем-либо сочувствии... Да ладно, бог с ним, с этим поклонником нетрадиционного искусства, не псих же он какой, не убьет незнакомую переселенку, если ему этого не приказывали. Вот только что делать, если он все-таки найдет и притащит ей пропавшего барда? Послушаться короля и срочно выходить замуж? Или рискнуть и проверить, сумеет ли графиня Монкар добиться, чтобы ненавистную соперницу, ставшую причиной ее удаления от двора, все-таки снарядили в жертву дракону?

Ольга вздохнула и печально поплелась на кухню. Что делать с этим бардом, можно будет подумать потом, если он и в самом деле появится. А сейчас есть задачи более насущные. Например, растопить эту вечно коптящую печку, отыскать распроклятый допотопный уют и погладить идиотское платье со шнуровкой...

Глава 1

...Потому что если ты оглянешься и увидишь Очень Свирепого Слонопотама, который стоит над тобой и смотрит на тебя сверху, – ты иногда можешь забыть то, что собирался сказать.

А. Милн

– Что вы тут делаете? – поинтересовался Шеллар III, входя в учебную комнату принца.

Мафей невинно похлопал глазами и ответил:

– Беседуем. Жак мне разные вещи рассказывает. Как тебе. А еще он тебе книгу принес, которую Ольга переписала, и я в нее заглянул... Можно, я ее дочитаю, а потом тебе отдам?

– Посмотрим, – уклончиво ответил король и обратился к своему шуту: – Жак, ты когда-нибудь видел живого дракона?

– Откуда?

– А хочешь посмотреть?

– Это не опасно?

– Не знаю, но вряд ли. Вот уж трусишка! Пойдешь со мной? Я собираюсь в Драконьи горы, побеседовать с драконами. Нашелся наконец человек, который там бывал, сможет нас туда телепортировать и быть переводчиком при разговоре. Вернее, нашелся он давно, но я его долго уговаривал. Ну как, пойдешь?

– А дракон нас не съест?

– Нет. Да не хочешь – не надо, это не обязательно.

– Пойду, – решился Жак. – Выпадет ли еще случай посмотреть на живого дракона, да еще чтобы меня не съели при этом?..

– Я так и думал, – засмеялся король, – что любопытство у тебя еще сильнее, чем страх. Тогда поскорее надень что-нибудь теплое, и пойдем. Прямо сейчас, пока почтенный мэтр Силантий не передумал.

– А мне можно? – попросил Мафей, умоляюще уставившись на кузена своими огромными темными глазищами. – Шеллар, пожалуйста! Я тоже хочу увидеть дракона! Возьми меня! Я не боюсь! А если что, я вас обратно телепортирую.

– Нет, малыш, извини, мне разрешили взять только одного сопровождающего.

– А почему Жака?

– Кого же еще? Элмара нельзя брать ни в коем случае: он четырех драконов убил, вероятнее всего, у них к нашему кузену есть определенные претензии... Мэтр Истран сразу же запретит мне рисковать моим бесценным здоровьем. Ты с нами не можешь поехать, потому что я не знаю, как драконы отреагируют на эльфа. Остается только Жак. А больше и взять некого, потому что дело очень секретное. Так что мы отправимся с Жаком. Не переживай, Мафей, у тебя впереди еще, по меньшей мере, триста лет полноценной и интересной жизни, и драконов ты еще насмотришься.

Маленький эльф огорченно вздохнул.

– А где же я одежду возьму? – заметался Жак. – У меня все дома. А там очень холодно?

– Мороз и ветер.

– А драконы не мерзнут?

– Не знаю. Мафей, телепортируйтесь быстро с Жаком к нему домой, пусть он оденется. И не дуйся.

Когда они оказались в гостиной Жака, Мафей испуганно спросил:

– Как ты думаешь, Шеллар нас не вычислил?

– Не знаю, – пожал плечами королевский шут. – Мы же ничего такого, когда он зашел, не делали. Ну, подумаешь, испортили пару кристаллов, что тут страшного? Он же все равно не разбирается в них, в магии не смыслит. А мэтр тоже не поймет, он просто такую идею не воспримет, даже если ему прямым текстом сказать.

Они поднялись в спальню, где Жак принялся копаться в шкафу, добывая оттуда теплые вещи, а Мафей уселся на тумбочку и снова спросил:

– А может, такие кристаллы просто не годятся? Вдруг для этого нужен принципиально новый вид кристалла?

– Я же в этом ничего не понимаю, – вздохнул Жак. – Попробуй. Ты имеешь представление, как это делается?

– Не очень. Мы еще не проходили структуры кристаллов.

– А что ты сейчас изучаешь?

– Сейчас мэтр активно знакомит меня с премудростями медицины. Не знаешь почему?

– Наверное, чтобы ты мог в случае чего ему помогать. Знаешь ведь, что король принципиально не желает иметь дела с придворным мистиком, потому что не доверяет ему. И получается, что весь этот кусок работы ложится на плечи бедного мэтра Истрана, как будто у него других дел мало. Хорошо еще, что наш король мужик здоровый и ничем страшнее насморка пока не болел, но всяко бывает.

– Но о болезнях он мне ничего не рассказывает. Пока мы учим, как оказывать первую помощь, останавливать кровь, лечить раны, реанимировать... И еще очень подробно углубились в токсикологию. Распознавание ядов в различных средах, симптомы, дозировка, противоядия. Жак, иногда мне становится страшно. Мэтр Истран мне чуть было не показал стазис, заклинание для магистра! И это при том, что мне постоянно попадает, когда я сам пытаюсь

забежать вперед! А тут сам заговорил об этом магистерском заклинании. Я видел на его лице мучительные раздумья, еще чуть-чуть – и он бы решился...

Жак вздохнул:

– И в кого ты такой сообразительный? Да не бойся, Мафей, это мэтр на всякий случай. Это не значит, что тебе непременно на днях понадобятся эти знания. А при чем тут стазис, я вообще не понял.

– Когда яд быстродействующий, – тихо пояснил эльф, не поднимая глаз, – единственный способ попытаться спасти пострадавшего – бросить в стазис. Остановить время.

– Если бы все было так серьезно, – авторитетно успокоил принца Жак, – мэтр Истран тебе этот самый стазис все-таки показал бы. Так что не бери дурного в голову и тащи нас назад, а то король ждет.

Мафей спрыгнул с тумбочки.

– Не знаю... – задумчиво произнес он, – мэтр ничего просто так не делает, раз именно сейчас так интенсивно учит, значит, у него есть основания опасаться, что кого-то могут попытаться убить. Либо его самого, либо Шеллара.

– Ну с чего ты это взял?! Давай поговорим об этом потом, ладно? А то его пронцательное величество точно что-нибудь заподозрит.

Король, вопреки опасениям, не затруднял себя вычислениями и подозрениями, а сидел в кресле, увлеченный томом увесистой рукописи.

– Я готов! – объявил Жак.

Его величество отложил талмуд и пожаловался:

– Ох и пишет эта Ольга! Ничего не понятно – глаза сломаешь! Неужели руны так сложны для написания?

– На родном языке она пишет еще хуже, – засмеялся Жак. – У нее просто такой почерк. И с чего это вам вздумалось подряжать ее на переписку книг?

– А кому еще я мог поручить переписку книг иного мира? Тебе? Ты, как мне кажется, вообще писать не умеешь и до сих пор автоматически пытаешься нащупать виртуальную таблицу символов, когда тебе суют в руки перо.

– Писать я, между прочим, умею, – перебил Шеллара III шут и, зачем-то посмотрев на свои руки, спрятал их за спину.

– Да ладно! Просто хотелось дать Ольге возможность подзаработать, раз я больше ничем не могу ей помочь. У нее же постоянно нет денег. Давно хотел тебя спросить. Ты не знаешь, куда она жалованье деваает?

– Да кто вам сказал, что Ольга безденежная? – удивился Жак. – Элмар? Побольше его слушайте. Ваш кузен привык, что ему деньги девать некуда, и не понимает, как они могут закончиться.

– По моим подсчетам, Ольге должно хватать на жизнь, – возразил король.

– А вы в своих подсчетах учли, что она снимает квартиру с ванной и водопроводом? Для человека конца двадцатого века это не роскошь, а необходимость. Сами знаете, сколько у нас такая квартира стоит. И увлечения у нее не из дешевых: книги, музыкальные кристаллы, боеприпасы для любимой игрушки...

– Я понял, – перебил его король. – А чего это ты расселся? Вставай, и пойдем в кабинет. Нас уже ждут.

– Ваше величество, а что это за фигня такая, будто вы Ольге ничем не можете помочь? – поинтересовался Жак, когда они вышли в коридор. – Так-таки и ничем?

– А чем же? Есть какая-то дельная мысль? Поделись!

– Да нет, она вовсе не дельная, а просто по-человечески... Чего вы с ней перестали общаться? Мы все с Ольгой часто видимся: и я, и Элмар с Азиль, и Тереза, и даже Мафей иногда заглядывает. А вы что, стесняетесь?

Или решили, раз уж возможный роман накрылся некромантским проклятием, то не подобает его величеству чисто по-дружески водиться с особой низкого происхождения?

– Жак, прекрати нести чушь, – поморщился Шеллар. – Неужели ты действительно так обо мне думаешь?

– А как перемену вашего отношения можно расценивать по-другому? Или просто разобиделись и ваше королевское достоинство не перенесло отказа? Так от предложения в такой свинской форме и я бы отказался. А Ольга, между прочим, по вас скучает. Она-то никогда не рассматривала вас как потенциального кавалера, а так вот обрывать отношения из-за дурацкого проклятия для... э-э-э... просто друга – как-то странно. Гулять больше не водите, познавательными беседами за бутылочкой не развлекаете, на охоту не приглашаете, даже этот заказ на переписку книг через меня передали. Некрасиво получается, ваше величество. Ухаживали-ухаживали, а как попала дама в неприятности, сразу бросили. Что-то мне это до боли напоминает... Ах да, вспомнил, была такая девица по имени Альбиона, о которой вы, помнится, отзывались с величайшим презрением и крайним непониманием, когда она разорвала помолвку с вашим кузеном...

– Давай об этом потом поговорим, – перебил его король. – Мне надо сосредоточиться и подумать о деле.

– Хорошо, – согласился Жак. – Будете должны.

– Что должен? – не понял Шеллар.

– Разговор.

– Как скажешь, – улыбнулся король, открывая дверь своего кабинета. – Хотя я и не хотел бы это с кем-либо обсуждать, но ты же все равно не отцепишься... Познакомься, это мэтр Силантий.

Жак уважительно пожал руку пожилому поморцу и представился. Хотя мэтр Силантий был особой известной и занимал у себя на родине почетную должность придворного мага, лично Жак с ним знаком не был. Отчасти из-за натянутых отношений между королями, а еще и из-за того, что, по официальной

версии, сам королевский шут происходил из Поморья, из-за чего Шеллар III всячески ограничивал его контакты с «соотечественниками».

Мэтр Силантий величественно качнул косматой седой гривой, поправил широкий кушак, за который была засунута шапка, и приказал:

– Шапку сними, юноша. Драконы не любят.

– Почему? – любопытствовал король и тоже сунул шапку за пояс, так и не надев ее.

– Не любят, и все. Ты, юноша, когда его величество будет говорить, постоишь молча в сторонке. А вы, ваше величество, постарайтесь не упоминать в разговоре вашего кузена-героя, как будто его у вас вообще нет.

– Чего еще не любят драконы? – поинтересовался на всякий случай король. – Чтобы мы их нечаянно чем-нибудь не обидели.

– Не переносят малейшей непочтительности со стороны людей. Не любят они, когда людей много, когда шумят, когда говорят глупости, когда пугаются... оружия очень не любят, – и, обернувшись к Жаку, отдельно подчеркнул: – Ни в коем случае не орать, не визжать, не шарахаться и не падать в обморок.

Король молча достал пистолет и положил на стол.

– Мы готовы, мэтр Силантий. Если что-то будет не так, предупреждайте. Скажу что-то не то, поправьте при переводе.

– Обязательно, – пообещал маг и стал открывать телепорт. Жак поспешно вцепился в рукав короля. «Ну на кой мне это надо? – успел подумать он. – Зачем я согласился? Проклятое любопытство, вечно меня на подвиги тянет...» В следующий миг порыв ветра чуть не сбил его с ног, и королевский шут с трудом удержался на ногах.

Они оказались на огромном заснеженном плато, продуваемом со всех сторон, и вокруг, насколько можно было окинуть взглядом, простирались бесконечные горы. Справа белоснежные пики вонзались в ослепительно синее небо,

на котором не было ни единой тучки или облачка, а слева в лазурном небе висело золотое солнце. Далеко впереди плато упиралось в отвесную скалу, а немного позади обрывалось в глубокое ущелье.

– Отойдите от края, – посоветовал маг. – Подальше, чтоб ему было где приземлиться, а то придавит или сдует. И стойте покрепче – когда драконы приземляются, поднимают сильный ветер.

Они поспешно отошли от края, после чего король остановился в указанном ему мэтром Силантием месте, а Жак отошел еще метров на двадцать.

– А как они узнают, что мы их ждем? – спросил король, осматриваясь по сторонам.

– Нас хорошо видно на снегу, – пояснил маг. – Сейчас прилетит кто-нибудь. Мы с ними договаривались на это время.

Жак тоже завертел головой, осматриваясь, чтобы не пропустить момент, когда появится дракон, но все-таки пропустил. Огромная золотистая туша легко взмыла над краем обрыва и, тормозя крыльями, стала садиться на плато почти рядом с людьми. Поднятый крыльями ветер швырнул несчастного Жака назад, и он, не удержавшись на ногах, мягко шлепнулся в снег. Король сумел удержаться, только чуть попятился, прикрывая от ветра лицо. Скала гулко содрогнулась, дракон приземлился на задние лапы, оперся на хвост, как кенгуру, и сложил крылья. Жак, который только успел встать на ноги, невольно сделал еще несколько шагов назад и снова приземлился на пятую точку. Больше он решил не вставать, тем более что ноги его совсем перестали слушаться. Королевский шут с тихим ужасом наблюдал, как дракон встал на четыре лапы, вытянул шею так, что почти уперся мордой в короля, и что-то профыркал.

– Это Урр, предводитель стаи. Он вас приветствует, – пояснил Силантий.

– Я тоже его приветствую, – жизнерадостно откликнулся король. – Что я должен сделать для этого?

– Пока ничего, я просто переведу ваши слова.

Дракон выслушал ответное фыркание Силантия, качнул головой, приоткрыл пасть и высунул язык.

– Не бойтесь, он хочет вас потрогать, – предупредил маг.

Король спокойно кивнул. Жак, оцепенев от ужаса, смотрел, как длинный раздвоенный язык дракона обвивает человеческую фигурку, казавшуюся совсем крошечной рядом с массивной золотой тушей, и боролся с желанием зарыться в снег с головой. Шеллар с любопытством оглядел драконий язык и спросил:

– А мне его можно потрогать? Или это будет неуважение с моей стороны?

– Можно, – ответил Силантий. – Они любят, когда их трогают. Только не за язык.

Король протянул руку и осторожно погладил золотистую чешую на морде. Дракон снова коротко фыркнул и втянул язык. Потом поднял голову повыше и громко рывкнул.

– Он говорит: ваш спутник его боится, а вы – нет. Почему?

– Наверное, потому, что все люди разные, – предположил король. – Он поймет, если выразиться так?

Маг пожал плечами и зафыркал по-драконьи. Дракон повертел мордой, снова рывкнул несколько раз и опустил голову почти до земли.

– Урр понял. Сказал, что к ним часто обращаются маги, иногда – герои, но человеческих королей он еще никогда не видел. Ему интересно. Излагайте свой вопрос, он слушает.

– Спросите его... Скажите примерно так: мы знаем, что драконы – мудрые волшебные существа, они живут вдали от людей и стараются не иметь с ними дела. Почему иногда некоторые драконы прилетают к людям, нападают на них и вообще ведут себя агрессивно?

Золотистая голова Урра еще раз приподнялась, бросила взгляд на Жака и отрывисто фыркнула.

– Он говорит: потому что драконы тоже разные, – перевел Силантий.

– А чем эти отличаются от других? Они не хотят жить со своими сородичами, просто ненавидят людей или они агрессивны от природы и им все равно, на кого нападать?

Предводитель стаи внимательно выслушал вопрос и, не задумываясь, рявкнул.

– Он сказал, – переводил мэтр, – ни один дракон не станет по доброй воле жить среди людей, кроме ненормальных извращенцев или изгнанников, которых отвергла стая и которым негде больше жить.

– А к какой категории относится тот, которому мы платим дань? Он себя называет Скорм Непобедимый и живет в Зеленых горах на границе Ортана и Мистралии.

Как только Силантий перевел вопрос, стоящий до этого спокойно дракон заревел, зарычал, захлопал крыльями и несколько раз лупанул хвостом по плато, так что скала содрогнулась. Жак представил себе, что сейчас он еще и огнем плюнет для полного комплекта, и ему стало совсем нехорошо.

– Он обиделся? – забеспокоился король. – Я что-то не то сказал?

– Нет, насколько я понял, Урр просто терпеть не может этого Скорма. Если опустить нецензурные выражения, он говорит, что Скорм всегда был наглым, самоуверенным мерзавцем и самым гнусным извращенцем, какого видел свет. Они пятьдесят лет не могли от него отделаться, и, когда тот покинул стаю, это было всеобщим праздником. Урр не возражает, если люди убьют Скорма.

– Я благодарен ему за разрешение, – поклонился Шеллар, – но, может, он посоветует, как это сделать? Ни один герой до сих пор не мог Скорма победить. В чем его сила, если даже сородичи не могли с ним справиться?

Дракон, выслушав фыркание Силантия, снова замахал хвостом, на этот раз значительно спокойнее, хотя Жак уже живо представлял себе две кровавые лепешки на белом снегу. Потом Урр опять опустил голову на уровень лица короля и зафыркал.

– Он говорит, что Скорм мастер марайи и побеждает хитростью, – переводил мэтр и добавил: – Что такое марайя, я вам объяснить не могу, мне самому не объяснили, хотя я пытался когда-то это выяснить. Урр тут тоже не помощник, это понятие из области магии, а он – воин, так что спрашивать бесполезно.

– Тогда уточните, можно ли с этой самой марайей бороться? Не обязательно знать, что это такое, но, может, он даст практический совет?

Силантий старательно перевел, а дракон замурлыкал, как кошка, и выпустил из ноздрей две струйки серого дыма.

– Он говорит, марайя действует не на всех, – немного подумав, видимо стараясь правильно подобрать слова, сказал переводчик, – некоторые люди к ней устойчивы и их не удастся обмануть. Если вы найдете таких героев, они смогут победить Скорма.

– Что ж, поблагодарите его, – вежливо поклонился Шеллар. – Все-таки теперь есть над чем поразмыслить... Сяду, закурю трубку и подумаю.

Маг и дракон в очередной раз обменялись серией фыркающих звуков, после чего переводчик обратился к королю с улыбкой:

– Урр спрашивает: что такое закурить трубку?

– Повелитель стаи драконов никогда не видел, как люди курят? – удивился король.

– Разумеется. Он не видел людей в их естественной... среде обитания, а при общении с драконом никто не наглеет настолько, чтобы закурить в его присутствии.

– Ему показать? Или просто объяснить принцип? – спросил король.

– Показать. Принцип я ему объяснил, теперь он хочет посмотреть.

– С удовольствием, – засмеялся Шеллар и достал из кармана трубку и кисет. – Я как раз думал о том, что неплохо бы закурить.

– Они иногда ведут себя совершенно непредсказуемо, – пожал плечами мэтр Силантий. – Видимо, Урр находит вас странным, и ему просто любопытно.

Король набил трубку и зашарил по карманам в поисках спичек. Дракон наблюдал, опустив голову и чуть склонив ее набок, словно присматриваясь. Первая спичка погасла немедленно, едва успев вспыхнуть. Король сложил ладони коробочкой и попробовал еще несколько раз, но ветер все равно задувал огонь, едва тот успевал загореться. Последовал очередной обмен фырканием, и мэтр Силантий сказал:

– Если вам нужно для этого добыть огонь, он вам предлагает помочь.

– А не будет ли это слишком жарко? – осторожно поинтересовался король.

– Ну что вы, он же понимает, насколько мелкие и хрупкие создания люди. Он пустит самую тонкую струю пламени чуть в сторону от вас.

– Спасибо, давайте попробуем.

«У него что, совсем мульки выбило? – в ужасе подумал Жак, представив себе, что останется от его величества после такого экзотического способа прикурить. – Экстремал хренов! А потом я притащу домой горстку пепла и буду объяснять Мафею, что мэтр Истран был прав насчет вреда курения?» Шут даже попытался встать, но не успел.

Дракон повернул голову в сторону и выпустил из полуоткрытой пасти струю огня. Король поджег весь коробок, от которого и раскурил свою любимую трубку. Затянувшись несколько раз, Шеллар посмотрел на дракона, задрал голову, и, подражая ему, выпустил дым через ноздри. Дракон сел на хвост, вытянул шею почти вертикально вверх, устремив морду к небесам, и протяжно взвыл.

– Он в восторге, – перевел Силантий. – Вы ему необыкновенно понравились. Поздравляю, ваше величество.

– Он мне тоже, – ответил король. – Он... красивый. Поразительно красивый. И величественный. Передайте, пожалуйста, что я тоже в восторге от нашего знакомства.

– Урр будет рад вас видеть, если вы еще пожелаете его навестить. Просто как гость. Им нравится, когда люди не боятся.

– Я буду счастлив воспользоваться его приглашением, – и обращаясь теперь уже к Силантию, спросил: – Вы согласитесь сопровождать меня, если я соберусь в гости?

– Непременно, ваше величество. С вами легко и приятно работать. Вы не представляете, какие клиенты мне иногда попадались... – Мэтр Силантий снова повернулся к дракону и порычал. Тот порычал в ответ.

– Он прощается, – объяснил мэтр-переводчик.

– Пойдите! – спохватился король. – Я забыл его спросить! Зачем Скорму девушки?

Дракон выслушал вопрос, взревел, в очередной раз ударил хвостом и сделал пару шагов к краю. Затем мягко кувыркнулся с обрыва и спустя несколько секунд взмыл вверх и сделал круг в воздухе над головами людей.

– Он сказал: извращенец, он и есть извращенец, – перевел маг. Король помахал дракону рукой и крикнул:

– До свидания! Спасибо!

Дракон что-то рывкнул в ответ, сделал еще несколько кругов, взмыл выше и направился в сторону снежных пиков, сверкая золотой чешуей на солнце.

– Жак! – позвал король. – Иди сюда! Задницу не отморозил?

Королевский шут, все еще глядя в небо, поднялся и побрел к ним, уговаривая себя, что бояться уже нечего, и пытаюсь унять бешеный стук сердца, которое колотилось, как горошина в погремушке.

– Неужели настолько страшно? – засмеялся король, взглянув на несчастного друга. Лицо его величества светилось счастьем мальчишки, прикоснувшегося к заветной тайне.

– Ваше величество, – спросил маг, провожая взглядом удаляющегося дракона. – Скажите честно: вам действительно не было страшно или вы так превосходно владеете собой?

– Действительно, – пожал плечами король. – Я вообще не умею бояться. Тем более что Урр не представлял никакой угрозы. Большой, только и всего. А в остальном – приветливое и дружелюбное существо. И удивительно красивое, – повторил Шеллар. – Жак, неужели этот обходительнейший дракон показался тебе страшным?

– Очень, – признался Жак. – Но и красивым тоже, это верно. А это все правда так секретно?

– В высшей степени.

– Навсегда?

– Нет, только пока не разберемся с нашим Непобедимым. И еще кое с кем, если ты понимаешь, о чем я.

– А потом можно будет рассказывать?

– Так хочется?

– Еще бы! – Глаза Жака тоже вспыхнули. – Особенно о том, как он давал вам прикурить.

– Не вздумай! Мэтр Истран мне, как в детстве, штаны снимет и задницу надерет за такие вещи... Мэтр Силантий, а вы не могли бы узнать у кого-нибудь из ваших коллег, что же все-таки такое «марайя»? Это будет оплачено дополнительно.

– Спрошу, но вряд ли. И, ваше величество... – замялся Силантий. – Дадите мне знать, когда с этого дела будет снята секретность? Мне тоже хотелось бы поделиться с коллегами своими впечатлениями о нашем путешествии.

– Если вы так желаете, то непременно. Возвращаемся?

В кабинете Жак немедленно бросился к камину и присел в кресло, вытянув руки к огню. Он с трудом дождался, пока король закончит расчет и обмен любезностями с поморским магом и знаток драконьего языка исчезнет в сером облачке.

– Ну что, выпьешь? – спросил король, с усмешкой глядя на своего перепуганного шута.

– А как же! – отозвался Жак, который, собственно, именно этого и ждал с таким нетерпением. – Мне непременно надо что-то выпить. Вы же знаете, какой я нервный и впечатлительный. А тут такие испытания для моей хрупкой психики.

Шеллар засмеялся и достал из сейфа бутылку, а из ящика стола – серебряный стаканчик.

– Ты хоть разденься. Бери, наливай. Ну что там страшного было?

– Как вам объяснить? Вы же этого не понимаете, потому что бояться не умеете. Я вам уже много раз пробовал разъяснить... Вам наливать?

– Мне не надо. Я и так чувствую себя как будто слегка навеселе. Подумать только, я собственными руками прикасался к живому дракону! Жак, ты полжизни потерял, сидя на своей заднице в снегу. Это надо видеть вблизи, рядом, чтобы прочувствовать полностью... А ты перепугался!

– Я и на расстоянии так прочувствовал, что чуть дуба не врезал. Но ничего, все-таки я на него посмотрел. Любопытство удовлетворил. Больше вы меня туда не заманите.

– Ну и ладно, – согласился король. – В следующий раз возьму Мафея... Тьфу ты, забыл спросить, как они относятся к эльфам...

– Ольгу надо было взять, – сказал Жак, – она бы не испугалась. Еще бы и подколола начет того, какую блатную зажигалку вы себе заимели.

– Блатную – это что значит?

– Вот у нее и спросите. Она так выражается. Как увидите, так и спросите.

– Ты опять о том же? – нахмурился король.

– А вы мне остались должны разговор. Так что не пытайтесь уклониться. А то дождетесь, что придет Элмар и со свойственной ему варварской прямоотой скажет вам, что он о вас думает. На чем мы остановились? Ах да, на девице Альбионе, о которой вы тогда так лихо отзывались. А между прочим, у нее было гораздо больше оснований прервать отношения с вашим кузеном, чем у вас в данной ситуации. Что ж так, ваше величество? Правда обиделись? Так вы же сами хотели, чтобы вам отказали. Или я не прав?

– Прав, – неохотно согласился Шеллар. – Я не хотел, чтобы она согласилась. Но совершенно не обиделся, откуда у тебя такие мысли? Мне просто перед ней... стыдно. Уверен, что Ольга простила мне мою глупость, которая ей так дорого обошлась, а от этого еще более стыдно. Если честно, я просто не нахожу в себе сил прийти к ней и общаться, как прежде. Даже если она этого хочет.

– Поищите, ваше величество. Я имею в виду – силы. Вам не приходило в голову, как ваше внезапное исчезновение выглядит со стороны?

– Не имеешь же ты в виду, что она думает, будто я не желаю с ней общаться из-за ее бедности и низкого происхождения? Вы ведь все знаете, что я совершенно не страдаю сословными предрассудками.

– А она страдает, представьте себе. Разве вы забыли, насколько она не любит больших начальников? Так что, если не хотите, чтобы вашу стеснительность принимали за снобизм и высокомерие, – бутылку в руки и к ней в гости мириться.

– Мы не ссорились.

– Тем более. Должен, кстати, высказать вам свое «фи» по поводу того, как вы с вашим кузеном провели адаптацию Ольги. Вы ее поставили в совершенно дурацкое положение. Соседи падают в обморок каждый раз, как Элмар приходит к ней в гости, и все поголовно считают, что и он ее любовник, и я. Поскольку столь приближенные ко двору лица не могут посещать безродную горожанку по какой-либо иной причине. Так что соседи относятся к ней как к содержанке, имеющей двух любовников одновременно. Мужики не дают проходу, причем никого не пугает ее проклятие – как зальют глаза с утра, им никакое проклятие не страшно.

– И что, Элмара не боятся?

– Так ведь она ни за что не пожалуется. Я сам случайно заметил.

– И что ты сделал?

– Поговорил с ним. Примерно как вы с Лаврисом. Пригрозил настучать Элмару. Но толку с того...

– Угрозы следует выполнять, только тогда от них бывает толк. Ну, свернет Элмар башку одному-двум, заплатит семье компенсацию, не разорится...

Да и несчастная вдова, вероятно, будет только рада избавиться от козла-супруга и решить этим финансовые проблемы. Зато все будут бояться.

– Допустим, мужиков таким образом отвадим, а что делать с соседками? Тетки ревнуют мужей и запрещают своим порядочным дочкам с Ольгой общаться, а порядочные дочери тайком от матушек достают ее просьбами сосватать такого же любовника, как Элмар или хотя бы как я.

– Ну вот, – недовольно проворчал король. – Представляешь, что случится с соседями, если в один прекрасный вечер в ее скромное жилище заявится лично мое величество и проторчит там, как обычно, до утра? Она уже имела из-за этого достаточно неприятностей.

– Давайте Мафей вас телепортирует. Он там был. Никто и не узнает. Хотя... у нее там вечно бардак такой, что даже я пугаюсь. Лучше встретитесь у меня. У меня беспорядок только в кабинете, а в доме какая-то тетенька прибирается.

– Хорошо, давай у тебя. Только...

– Никаких «только», ваше величество, а то вы прямо как русская интеллигенция – то туда, то сюда. Неужели история вас не научила, что колебания до добра не доводят? Прикурить у дракона вам, видите ли, не страшно, а пообщаться с девушкой никак не решается. Назначайте время.

– Ты кого хочешь достанешь. Завтра тебя устроит? А вообще, Жак... Как она там?

– Вот у нее и спросите.

– Нет, меня интересует, как на самом деле. Ольга ведь и мне не пожалуется.

– Не сказал бы, чтобы ей там нравилось. У нее постоянные депрессии. Одиноко, скучает по дому, полно каких-то мелких неприятностей... И друзей в своей среде она так и не завела. Пишет какие-то стихи, которые стесняется кому бы то ни было показывать. Курит по две дюжины сигарет в день и, на мой взгляд, стала многовато выпивать. Мне кажется, вы с Элмаром сделали большую глупость, что все ей рассказали о проклятии. Хотя Ольга утверждает, что это ее нормальное состояние и что в своем мире она такой и была. А здесь ей сначала только показалось, что она попала в сказку, вот и вела себя иначе. А теперь освоилась, привыкла, окунулась в обыденную жизнь, и, как она сама выразилась, «сказка кончилась». Оказалось, здесь так же паскудно, как и дома, только немножко хуже, потому что там у Ольги были родные, друзья и какое-никакое образование, а здесь Средние века, чепчики и переднички, утюги на углях и печка с дровами... А с мужиками ей не везет так же, как там. А еще Ольга носится с идеей успеть до весны пристроить куда-нибудь свою белую занавесь. «Жаба давит умереть девственницей» – как она выразилась. Но все никак не найдет кавалера по вкусу. Придурочные пьяные соседи ее не привлекают. Я сказал, что проклятия боюсь, Элмар – что с его стороны это недостойно. Может, хоть вы не откажетесь?

– Откажусь, – прервал Жака король.

– Смотрите. А то ведь если Ольга дотянет до самого отбора, то в качестве последней просьбы попросит у вас, чего доброго, ночь любви. Будете знать, – подмигнул его величеству шут.

– Она сама тебе так сказала?

– Нет, это я ей посоветовал.

– Спасибо, дорогой друг! Я ей, со своей стороны, посоветую то же самое, но про тебя. Могу поспорить, мой совет ей понравится больше.

– Не надо, ваше величество! – по-настоящему испугался Жак.

– Очень даже надо. А то совсем обнаглел. А еще я посоветую напоить Элмара до требуемого состояния и отыметь его на свое усмотрение, чтобы не выпендривался со своим «недостойно» и «не подобает», охотничек хренов...

– Ваше величество! – ужаснулся Жак. – Вы представляете, что учинит наутро Элмар, если с ним так поступить? Вам что, не дорог ваш кузен?

– Не преувеличивай, ничего сверхъестественного не учинит. Покричит, как он мог и как это недостойно, пострадает пару недель, и на том все кончится. – Король посмотрел на часы, поднялся и убрал в сейф бутылку. – Допивай и выметайся, в четыре у меня деловая встреча.

– С Камиллой? – поинтересовался Жак.

– Нет, с Флавиусом. А с Камиллой у меня свидание в десять, если тебе так интересно. И тоже деловое. Я ей в очередной раз выскажу все, что я о ней думаю. Надо, наверное, искать себе новую фаворитку. Не выдерживаю я ее подолгу, хотя профессионалка она первоклассная.

– Лучше бы вы себе жену искали, – проворчал Жак и тоже поднялся. – Не забудьте, завтра на закате у меня. Ольгу гарантирую. Как договорились.

– Амарго, у меня к тебе будет очень личная просьба. – Предводитель повстанцев поправил красный бантик на нагрудном кармане и внимательно посмотрел на собеседника. Товарищ Амарго недовольно поморщился.

– Догадываюсь. Сорди пожаловался на моих ребят, и ты хочешь, чтобы я их заменил. Не много ли чести его торговому агенту? Чем так не угодили мои ребята? Недостаточно сильно зады на поворотах заносили? Они ему и не будут воздавать почести. Их дело охранять. А его дело – вести переговоры и не приставать к местным в каждом кабаке.

– Я понимаю... – Товарищ Пассионарио виновато вздохнул и одарил Амарго очередным просительным взглядом. – Этот Ромеро и мне не особенно нравится. Но он нам нужен, и Сорди очень просил. У них там вышел конфликт... Я не прошу заменить всех, Торо и Эспада спокойные интеллигентные люди, к ним трудно предъявить претензии, хотя Сорди и пытался. Но Рико... Я тебя очень прошу. Он со своим языком кого хочешь доведет до истерики. Они чуть не подрались там, Торо и Эспада потом растаскивали. Да и охранник он... не ахти какой. Вор, одним словом. Поставь лучше еще одного воина, желательно стрелка. И не такого языкатого, как Рико.

– Хорошо, – недобро прищурился Амарго. – Я заменю Рико. Дам тебе воина. Отличного стрелка. Молчаливого, как скала, если его не трогать. Не менее интеллигентного, чем Торо и Эспада, и столь же спокойного, опять-таки если его не раздражать специально. И если у Сорди опять будут претензии, пошли его подальше. Обрати его внимание на то, что у его бесценного Ромеро тоже вместо языка хвост собачий. По мне так Рико там был в самый раз: они бы с ним регулярно устраивали поединки на языках, и обоим было бы то, что нужно. А человек посерьезнее этого болтуна пришибет. Чтоб не строил из себя большого начальника. Тоже мне, специалист непревзойденный! Сегодня этот торгаш нам нужен, а завтра нет. Хотя сомневаюсь, что он на самом деле для чего-то нужен. Да и сама затея договариваться с голдианцами мне не нравится. Я бы лучше попробовал ткнуться в Ортан. Там можно спокойно поговорить с короной, не опасаясь, что тебя кинут.

– В Ортане нестабильно, – возразил молодой собеседник. – Там сейчас идет такая война интриг, что соваться страшно. Король с Комиссией друг другу всяческие козни строят, и встрять сейчас между ними – все равно что попасть в жернова. Голдианцы, конечно, могут и кинуть, но в Ортане еще опаснее. К тому же его величество проявляет излишний интерес к нашей партии. Он-то человек

хороший, но ты сам правильно говорил, что никому постороннему не следует знать лишнего. Впрочем, если ты передумал, я схожу к нему лично, мне это будет даже приятно...

– И думать забудь. – Амарго достал из кармана сигару и откусил кончик. – Дай прикурить. Не разучился еще?

– Нет, – чуть улыбнулся Пассионарио, поднес руку к сигаре и прищелкнул пальцами, из которых моментально взвился небольшой огонек. – Так кого ты поставишь вместо Рико?

Амарго затянулся, хитро прищурился и сообщил:

– Кантора, – и довольно улыбнулся при виде резко вытянувшегося лица собеседника. – Больше некого. Ты же сам просил стрелка. Чем тебя Кантор не устраивает?

– У тебя что, для него другой работы нет? Такого специалиста в охрану – это все равно что колоть орехи магическим кристаллом.

– Нет, – качнул головой Амарго. – Дело в том, что Кантор... Я хочу перевести его на другую работу. В полевой отряд жалко, это действительно будет, как ты сказал, орехи кристаллом, пусть побудет пока в охране. Тем более языки он знает.

– Переводишь? А почему? Он в чем-то провинился или... сорвался?

– Можно сказать, почти сорвался.

– Почти – это как?

– Если человек перестал владеть собой в обычной обстановке, то рано или поздно он сорвется и на работе. Кантор неглупый парень и сам это чувствует. Поэтому сам пришел ко мне, рассказал все как есть и попросил перевести в полевой отряд. Убийца, у которого не в порядке нервы, – это смертник.

– А когда у него были в порядке нервы? И в чем это выражается? Он хоть на наркотики-то не присел?

– Не замечал. А проблемы у него начались после той охоты на ведьму. Что-то там произошло такое, о чем они с Саэтой умолчали. Хотел бы я знать, что именно, но Кантор же не скажет, а у Саэты теперь не спросишь...

– А с ней-то что случилось? Как-то видел Гаэтано, почувствовал, что он прямо сам не свой, будто горе какое, но спросить не решился. Ты же знаешь Гаэтано, он и так меня недолюбливает, а я еще начну в душу лезть...

– То же, что со всеми рано или поздно происходит. То ли где-то ошиблась, то ли разведка подвела, но Саэта наткнулась на охрану. Первым же выстрелом наповал. Ты бы видел, что случилось с Кантором, когда он узнал! Ребята перепугались до такой степени, что не рискнули сами к нему подходить, меня позвали.

– Что с ним творилось? – осторожно поинтересовался предводитель. – И почему я об этом ничего не знаю?

– Ты... – Лицо товарища Амарго приобрело выражение беспредельной досады с некоторым оттенком брезгливости. – Как раз в это время в этой самой каморке, наевшись фанги в количестве, достаточном, чтобы нормальному человеку отравиться, ловил фиолетовых гоблинов с помощью огненных дорожек.

– Зато я все-таки научился делать огненные дорожки! – отмахнулся Пассионарио.

– Путем передозировки наркотиков, – ядовито уточнил наставник и добавил: – В деревянном помещении самое место и время баловаться с огнем! Помню, как потом вся твоя охрана носилась с ведрами...

– Амарго, ну не начинай все сначала! – жалобно скривился предводитель. – Мы про Кантора говорили. Что делал я, уже выяснили, а он чего такого натворил?

– Ты когда-нибудь видел, чтобы Кантор плакал?

Огромные темные глаза товарища Пассионарио загорелись нездоровым интересом, граничащим с восторгом.

– В самом деле? Каменное сердце нашего дорогого Кантора дрогнуло, и из этого комка холодной злости удалось выдавить слезу?

– Ты еще балладу напиши! – в сердцах плюнул Амарго. – Романтик ты наш поэтичный! Сердце, видите ли, дрогнуло! Дрогнула вся хижина, и не один раз. Хорошо, что вовсе не рухнула, потому как Кантор приложил к этому все усилия! Слезу выдавить! Да он устроил форменную истерику с битьем головой о стену и криками, что это он во всем виноват!

– Он был трезв? – уточнил вождь.

– Абсолютно. Да будь он даже пьян в стельку, никогда раньше так себя не вел. В чем Кантор виноват, он так и не смог объяснить толком. Я всерьез боялся, что он опять рехнется, но вроде обошлось. Пришлось, правда, успокоительного вкатить, а то ни слушать, ни говорить толком не мог. Проспался, пришел в себя, вроде все снова наладилось, но после этого Кантор стал как-то странно себя вести...

– Странно? По-твоему, до сих пор он вел себя нормально? Он же все эти годы...

– Что ты в этом понимаешь?! – не выдержал Амарго.

– Как раз я в этом понимаю получше твоего! – сохраняя спокойствие, продолжил товарищ Пассионарио. – Ты бы в него хоть раз заглянул, как я, и тогда бы вот такая обычная истерика тоже показалась бы переменной к лучшему!

– Не умею заглядывать, – устало вздохнул Амарго. – Будем считать, что я тебе поверил, хотя специалист из тебя, мягко говоря, посредственный. Но и это еще не все. Пару дней после этого Кантор пошатался в тоске и в печали по хижине, а потом явился ко мне сдаваться. «Что-то сломалось, – говорит, – чувствую, а словами сказать не получается. В общем, не подумайте чего дурного, но переведите в полевой отряд, потому как работать по-прежнему больше не смогу». Вот я и думаю, пусть пока в охране побудет, а там посмотрим. Может, придет в себя. А нет – будем искать ему работу.

– Кантор даже тебе так ничего и не рассказал больше?

– Почему «даже»? Он мне просто не рассказал. Ты что думаешь, я у него вместо жилетки для слез? Он ко мне приходит, только когда ему нужен совет. А жаловаться он ни к кому не ходит. Даже к священнику.

– А что, Кантор такой рьяный атеист?

– Просто узнал по голосу священника и поэтому к нему не ходит. Одно дело изливать душу какому-то абстрактному священнику, и совсем другое – своему товарищу по группе, которому потом придется смотреть в глаза. Так что о нем никто ничего не знает. И ты не узнаешь, потому что он себе где-то за границей приобрел экранирующий амулет.

– Да, он стал слишком замкнутым, – сказал товарищ Пассионарио, доставая сигарету. – Я его мало видел с тех пор, как познакомился... заново, но у меня сложилось именно такое впечатление. Замкнутый, холодный... и опасный. Как пистолет.

– Ну, ты и вправду поэт! – усмехнулся Амарго. – Осталось только сесть и написать балладу «Товарищ Кантор – человек-пистолет». Ты же у нас любитель революционные стихи сочинять. Помнится, и его собирался к этому полезному делу пристроить.

– Так ведь хотел как лучше. Я ведь знал его другим... Если честно, я не подозревал, что он таким станет. Когда он отказался работать в пропаганде, а попросился в боевики, я думал, это у него временное следствие тяжелого потрясения. Чего-чего, а злым он никогда не был...

– Я сразу знал, что он не станет работать в пропаганде. Правда, надеялся, что он просто пошлет нас куда подальше и уйдет в неизвестном направлении. То, что он попросится в боевики, никто не ожидал... Ну что ж, пойду сообщу Кантору, что для него есть работа и пусть приступает.

– Может, этот Ромеро хоть теперь поумнеет и научится уважать товарищей.

– Непременно, – согласился Амарго. – Кантор большой любитель плевать на инструкции, и если Ромеро скажет ему что-то вроде того, что он сказал Рико, то и драки, как таковой, не будет. Не забудь предупредить об этом Сорди.

– А ты предупреди Кантора, чтобы не вздумал убивать сразу. С него станется. А Ромеро нам все-таки действительно нужен.

– Невелика потеря. – Амарго недовольно поморщился и перевел разговор на другую тему. – Как твое ухо?

– Спасибо, все в порядке. Ты же знаешь, у меня регенерация так быстро проходит, что все заживает, и следов не увидишь.

– Да я-то понимаю, но все-таки будь поаккуратнее. Как можно было так обжечь ухо?

– Просто гладил рубашку, а в это время меня москит за ухо укусил...

– Утюгом гладил?

– Нет, я же умею... – Он посмотрел на свои ладони.

– Пассионарию, ты как маленький, честное слово! Вечно с тобой что-то приключается. Представляю себе, что бы от тебя осталось годам к сорока, если бы ты не умел регенерировать. Ты что, не мог гладить, как все нормальные люди?

– Ну чего переживать? Даже если бы это бедное ухо сгорело полностью, выросло бы новое. Точно такое же.

– В том-то и дело, что не такое же... И на что бы ты стал похож? Хотя бы уж уши поберег.

– А ведь верно! – Молодой человек звонко расхохотался. – Я и не подумал, что новое выросло бы такое, каким оно должно быть от природы... Хорош бы я был, с разными ушами... Да ладно, не переживай. Ничего со мной не случится!

– Хотелось бы надеяться... – вздохнул Амарго и потянулся за шляпой.

Глава 2

А кому легко?

Народная мудрость

– Ой! – испуганно вскрикнула Ольга и остановилась на пороге. Меньше всего она ожидала встретить здесь его, да еще одного, поскольку Жака видно не было.

Его величество сидел за столом, точно так же как в первый день их знакомства, и задумчиво что-то чертил на листе бумаги. Увидев ее, он отложил карандаш, скомкал лист и сказал:

– Ну вот, опять «ой»! Жак что, не сказал, что я здесь буду? Вот уж любитель сюрпризов!

Станный какой-то был у него тон, не то обиженный, не то недовольный. Ольга попыталась вспомнить, как же следует приседать перед королем согласно этикету, но, будучи в замешательстве, никак не могла собрать мысли в кучу, поэтому просто отступила на шаг, упершись спиной в дверь, и сказала с легким приседанием:

– Приветствую вас, ваше величество!

Его величество резко изменился в лице и встал из-за стола. Ольге показалось даже, что он пошел красными пятнами, но при таком освещении сложно было утверждать это наверняка.

– Ольга, скажи честно, ты это от неожиданности или издеваешься? – уже откровенно обиженно спросил он. – Не хватало, чтобы ты еще тут реверансы разводила. Позволь, я помогу тебе снять плащ.

– Извините... – пробормотала Ольга, не зная что и думать. – Я... просто не ожидала вас встретить... и...

– И не знаешь, как себя вести, – закончил за нее король, подходя и помогая ей выпутаться из плаща. – Проходи, садись к камину, давай поговорим. Чтобы между нами исчезли все недоразумения.

Окончательно озадаченная Ольга послушно присела в предложенное кресло и тут же представила себе, как она выглядит в своем идиотском чепчике и платье с передничком.

– Можно я сниму этот кретинский чепчик? – жалобно спросила она.

– Конечно, – удивленно приподнял брови король. – А зачем ты его носишь, если он тебе так не нравится?

– Потому что так положено! – проворчала Ольга, содрала ненавистный чепчик и злоратно швырнула через всю комнату. – Как он меня достал! Я в нем Золушку себе напоминаю! Умственно отсталую Золушку!

Король опустился в кресло напротив и внимательно посмотрел на нее. Как обычно.

– Причина твоего гнева действительно этот несчастный головной убор или тебя раздражает мое присутствие?

– А я думала, вы спросите, кто такая Золушка... – грустно ответила Ольга, стараясь говорить помягче, чтобы не вызывать у его величества подозрений, будто его присутствие ее и впрямь раздражает.

– Я знаю эту сказку, просто Жак никогда не рассказывал, что эта бедная девушка носила чепчик. Так все-таки что с тобой? Если ты до сих пор на меня сердишься, я пойму и не стану тебе надоедать.

– Да нет же, – поспешила уверить его Ольга, пока он действительно не надумал уйти. – С чего вы взяли, что я на вас сержусь? Меня просто достал этот чепчик, чтоб он провалился! Что за идиотская традиция – ходить в чепчике, нравится

тебе это или нет!

– Честное слово, это не я придумал, – вздохнул король, сразу как-то повеселев. – Я тебя прекрасно понимаю, наши традиции кого хочешь доведут. Ты бы видела, как я выгляжу в своей короне. Как умственно отсталый грабитель могил. Мало того, она еще и уши натирает.

Ольга немедленно вспомнила бессмертные строки «только сдвинь корону набок, чтоб не висла на ушах» и невольно улыбнулась. Насколько, оказывается, житейскими бывают проблемы у королей!

– А как вы здесь оказались? – спросила она. – И где Жак? Он попросил меня прийти к нему...

– Жак сейчас развлекается с Мафеем какими-то игрушками и ночевать останется во дворце. А я пришел сюда специально, чтобы повидать тебя. Кто же знал, что Жак додумается сделать сюрприз и не предупредит тебя?

«Странно, – подумала Ольга, – с чего это его величество вдруг обо мне вспомнил? Что-то узнать обо мне нужно? Так ведь спросить и у Жака можно. Или сообщить что-то? Тогда с чего такая конспирация? Стесняется появляться в моем обществе или действительно какое-то секретное дело? Только бы не начал опять замуж звать, не дай бог...»

– А зачем я вам понадобилась? – осторожно спросила она. – У вас ко мне какое-то дело?

Король снова помрачнел.

– Дело? – медленно переспросил он, опуская глаза. – Ты полагаешь, это единственно возможная причина? Ну что ж, можно сказать, что это в некотором роде действительно дело...

Он замолчал, сгорбившись в кресле, напряженно сцепив руки, и сидел так некоторое время, словно обдумывал что-то важное. Потом поднял глаза и посмотрел на Ольгу в упор.

– Прости меня, дурака, – неожиданно просто сказал он. – Я должен был сделать это сразу, но не мог собраться с духом. Может, теперь уже поздно, но все же я должен это сказать. Прости мне беспечность, нерешительность, дремучий эгоизм и мое предложение, сделанное в столь неподобающей форме. А еще мою трусость. Не думай, будто я избегаю твоего общества из страха перед проклятием или из-за... разницы в социальном положении. Мне просто было стыдно показываться тебе на глаза. Если можешь, прости мне все это, и пусть все станет как раньше. Я, конечно, сам виноват, но все же мне больно видеть, как ты приседаешь тут в реверансах и полагаешь, что я могу желать увидаться с тобой только по делу.

Ольга едва сдержалась, чтобы не броситься ему на шею от радости.

– Да что вы! – воскликнула она. – Да зачем же вы... Я же не знала, что вы такой стеснительный, оказывается. Я думала, вы просто заняты или потеряли ко мне интерес...

– У меня не так много друзей, – перебил ее король, – чтобы не находить для них времени или терять к ним интерес. Я смею надеяться, что мы по-прежнему друзья?

Он протянул ей свою огромную ладонь, и Ольга радостно по ней хлопнула.

– Ваше величество, ну конечно! Я так по вас соскучилась! Только зачем такая конспирация?

– А что, надо было прийти к тебе домой? Чтобы твоих соседей кондратий хватил?

Ольга засмеялась и щелкнула портсигаром.

– А про кондратия – это вы тоже от Жака подцепили?

– Да нет, это наше старое выражение. Лет триста назад был в Поморье такой король – Кондратий Грозный, очень любил своих придворных посохом по головам лупить. А у вас такой оборот тоже есть? Откуда?

– Не знаю... – Ольга лихо чиркнула спичкой, прикурила и продолжила: – Бывают же совпадения! А кстати, сейчас вам еще про одно совпадение расскажу. Азиль мне говорила, что к ней недавно заходил тот мистралиец, который ведьму искал.

– Да-да, – оживился король. – Так он к ней заходил? Она мне почему-то об этом не сказала. Ну что, нашел он Арану?

– Нашел и убил, еще вам благодарность передавал, но я не о том. Я о совпадениях. Помните песню «Красное на черном»? Я вам еще рассказывала, что у этого барда такое сочетание цветов не только в этой песне встречается?

– Да, действительно совпадение, – засмеялся король, – это же цвета королевского дома Мистралии. Полагаю, товарищ Кантор слегка удивился, услышав это. А что он еще говорил интересного? Или Азиль тебе не рассказывала?

– Она в основном восторгалась, что он подарил ей ромашки среди зимы, и еще сказала, что он очень хочет со мной познакомиться.

Его величество заинтересованно приподнял брови:

– Зачем?

– Музыка ему понравилась, – пояснила Ольга. – Или вы с ним намереваетесь поступить как с бедным Лаврисом? – лукаво улыбнулась девушка.

– Ну что ты, Кантор не тот человек, которого можно напугать словами, он вообще реагирует на угрозы очень агрессивно, независимо от того кто перед ним. К тому же никаких сексуальных домогательств ты от него не дождешься, он в этом отношении такой... такой, что про него даже сплетни ходят, о которых я говорить не хочу. Зато Кантор способен одним взглядом и двумя словами насмерть перепугать твоих любвеобильных соседей, что было бы очень полезно для тебя.

– Откуда вы знаете про соседей? – помрачнела Ольга. – Жак рассказал?

– А кто же еще. Надо было сразу Элмару сказать, он бы посмотрел внушительно, поиграл бицепсами, и проблема бы отпала.

– Вы как скажете... Не буду же я всю жизнь перевешивать все на Элмара... Ну их вообще, эти проблемы, что мы все обо мне. Расскажите лучше, как вы поживаете.

– Если опустить всякие сложности, то вообще никак. Как ты насчет немного выпить?

– Положительно, – засмеялась Ольга. К ней стремительно возвращалось хорошее настроение и ощущение, что все действительно становится на свои места: милые посиделки с его любопытным величеством, беседы о чем попало и его ироничная улыбка – все, чего ей так не хватало. – А что у вас за сложности? Пожалуйтесь.

– Это государственная тайна, – серьезно отозвался король, выбираясь из кресла. – Так что о моих проблемах говорить тоже не будем. Давай вести себя как Жак. Будто все в порядке.

– А расскажите тогда про вашу знаменитую Комиссию, – попросила Ольга. – А то, кого ни спрошу, все только плюются и ругаются. Даже Тереза. Честное слово! Так и говорит: «Мать-перемать, прости Господи!»

– Договаривались же о проблемах не говорить! – поморщился король, доставая из шкафа бутылку и два широких бокала. – Придется все-таки жаловаться, хотя мне тоже хочется ограничиться парой непечатных выражений. Но раз уж больше некому тебя просветить... – Король протянул Ольге бокал. – Держи, это тебе... А это мне. Что ж, слушай печальную и поучительную историю о том, что бывает из-за небрежного отношения к документам.

Ольга с умилением полюбовалась, как его величество усаживается в кресло – сначала складываясь, как плотницкий метр, а затем расправляясь и откидываясь на спинку, – и приготовилась слушать.

– Испокон веков жертвы для дракона, если таковой заводился, отбирались по жребию. Так было и в Ортане, пока не появился на нашу голову господин Хаббард. Его притащил не Мафей, малыш тогда этого еще не умел. По-моему,

как раз в то время скончался один из магистров ордена Десницы Господней, вот с ним-то и произошел обмен. Должен сказать, обмен получился равноценным – что магистр был негодник, каких поискать, что переселенец прибыл ничуть не лучше. Насколько я понял, Хаббард примерно твой современник, из какой-то страны, которая то ли воевала с вашей, то ли только собиралась, но русских не любит со страшной силой. Этот господин у себя на родине был преуспевающим юристом и был необычайно искусным во всяческом крючкотворстве. Поэтому он и смог обмануть моего доверчивого дядюшку (пусть тот спит спокойно, хоть и подложил мне свинью напоследок)... Дядюшка Деимар был человек простой и правильный, вроде кузена Элмара, и никакого подвоха не ожидал. Как ты сама понимаешь, интерес к переселенцам во все времена был велик, тем более что тогда их не так много было, как теперь, когда Мафей их таскает чуть ли не по два в год. Господин Хаббард прагматично воспользовался возникшим к своей персоне интересом короля, в отличие от тебя кстати. Ушлый юрист прибил к двору, втерся в доверие к дядюшке и принялся давать ему всяческие советы.

Этот господин Хаббард был... хотя почему был – он и есть такой... Он весьма неглупый и обходительный человек с прекрасными манерами, умеющий очень убедительно говорить. Все его обожали, буквально в рот заглядывали, а он раздавал советы направо и налево. Только мне он сразу не понравился. Я, как ты знаешь, сам юрист, и для меня все было понятнее, чем для остальных придворных. Мэтр Истран его тоже терпеть не мог, у магов такие вещи интуитивны. Мафей вообще его до смерти боялся и даже конфеты из его рук не рисковал брать. По-моему, малыш до сих пор боится, хотя с ним господин Хаббард неизменно ласков и обходителен, даже пытался однажды привлечь на свою сторону, когда Мафей был уже достаточно взрослым. Занятная была интрига, господин попытался сыграть на обычных подростковых проблемах, ну, знаешь, как это делается? «Ах, твой наставник тебе запрещает? Как же он не прав! Ты самый-самый, тебя просто не понимают и не ценят! Ах, твой кузен распорядился не пускать тебя туда-то и туда-то? Да он не понимает, никто тебя не поймет, кроме меня!» Вот в таком духе.

Он в некоторых вопросах до сих пор полный невежда, этот господин Хаббард. Разве можно столь нагло врать перепуганному эльфу? Они же все чувствуют. Нам с мэтром потом пришлось долго утешать малыша и провести с ним взрослую беседу о господине Хаббарде... А дядя Деимар этого господина очень уважал и прислушивался к его советам, давать которые тот большой любитель. Не сказать чтобы все рекомендации переселенца были плохи, некоторые вполне толковые, но какие-то просто неприемлемые для нашего общества. Вот этот-то

искусный юрист и предложил производить отбор для дракона не по жребию, а по каким-то критериям, которые сам вызвался определить. Хаббард разработал законопроект и предложил королю просмотреть и внести поправки.

Момент он выбрал очень удачный, я в то время только вступил в должность главы департамента и при дворе даже не появлялся – почти не вылезал из кабинета, заваленный работой. А дядя не додумался позвать меня, чтобы посоветоваться, и подписал. В Законе об Отборе были оговорены критерии выбора, порядок церемоний, права и обязанности жертв и тому подобное. Все вроде по делу. Но критериев этих было столько и все были такие расплывчатые, что под них можно было подогнать практически любую девушку, если она физически здорова, не замужем и не член королевской семьи. Я растолковал дяде, какую он совершил глупость, и посоветовал больше не связываться с Хаббардом. Но король меня не послушал и, опять-таки по предложению услужливого переселенца, подписал еще один документ – Закон о Комиссии, понятен кем состряпанный. Идея состояла в том, чтобы создать специальный орган, который занимался бы отбором и следил за его соблюдением. А фактически получилось, что Комиссия получила право отбирать жертвы только на свое усмотрение, поскольку, как я уже говорил, критерии можно было толковать в любую сторону. Кроме этого, господин Хаббард высказал опасение, что члены Комиссии будут подвергаться гонениям и преследованиям со стороны безутешных родственников, так как даже при самом справедливом отборе все равно будут недовольные. И тогда законом была оговорена пожизненная неприкосновенность членов Комиссии. А еще там был такой «невинный», чисто формальный пункт: все вопросы о созыве, роспуске или изменении состава Комиссии решаются самой Комиссией.

В результате оказалось, что король тут вообще ни при чем и его участие сводится к тому, чтобы формально подписать список и выслушать последние просьбы. Ну, и обеспечить охрану для перевозки. После этого я вдребезги разругался с дядей и хотел вообще покинуть двор и уехать к родственникам матери в Лондру. Но тут как раз приехал Элмар, я отложил отъезд, чтобы с ним повидаться, мы с ним усердно видались три дня, обойдя за это время все городские кабаки и бордели, а дядюшка в это время совершил свою третью и последнюю глупость. Ты, наверное, никогда не слышала о магической поддержке законов? Разумеется, не слышала. Это крайне редкое явление, такое делают только мистики с уставами своих орденов, да и то не всегда. Суть состоит в том, что после обработки закон становится нерушимым. К примеру, если магическим способом запретить некромантию, она станет для магов просто недоступна. А иногда услуги некроманта действительно бывают нужны.

Или тот же уголовный кодекс. Где мой друг Флавиус будет набирать шпионов, если все мои подданные будут не способны украсть? И где мои генералы наберут солдат в случае войны, если ни один человек в стране не сможет убивать?

Поэтому законы почти никогда не обрабатываются магически. А господин Хаббард как-то сумел уговорить дядю на такое безумие. Поразительно, как можно без всякой магии так околдовать человека? Он и его собрат по комиссии, иерарх Хлафиус, высказали такую идею: вместо того чтобы бедных девушек сразу после оглашения хватать и заточать за решетку, портить им последние дни жизни, охранять, чтобы не разбежались, и все такое, надо сделать так, чтобы они сами никуда не делись. Заколдовать Закон об Отборе, и они просто не смогут не явиться на отправку или сбежать. Мой доверчивый дядюшка воспринял эту идею именно так, как это было преподнесено, и дал согласие. Группа мистиков ордена Десницы Господней поколдовала над Законом об Отборе, превратив его в нерушимый. А после церемонии оказалось, что хитрожопый господин Хаббард аккуратно подсунул под скрепочку и Закон о Комиссии, обеспечив себе и своим коллегам действительно полную неприкосновенность. Теперь ни один мой подданный или любой законопослушный гражданин любой другой страны, пребывающий в моем королевстве, не может причинить этим мерзавцам никакого вреда. Равно как и нанять для этого кого бы то ни было. А я не могу отдать их под суд, хотя уже давно есть за что... Что касается короля, то он, обнаружив подлог, загадочным образом прозрел, разгневался и прогнал господина Хаббарда со двора, поскольку больше ничего с ним поделаться не смог. А потом долго и громогласно извинялся и каялся... Ну, ты видела, как страдает Элмар? Его папа делал это точно так же. Мы помирились, и с тех пор уже восемь лет я изо всех сил ворочаю мозгами, пытаюсь найти решение проблемы: как бороться с организацией, которая никому не подчиняется, практически неуязвима и имеет безотказные рычаги для давления на нужных себе людей. Сейчас члены Комиссии еще и разбогатели на взятках до невообразимой степени. – Король допил коньяк и поднял на Ольгу свои спокойные светлые глаза. – На данный момент дела обстоят так, что если я ничего не придумаю до осени, то где-то в конце Золотой – начале Желтой луны меня свергнут с престола.

Ольга, которая как раз тоже собралась допить свой бокал, чуть не захлебнулась.

– То есть как свергнут? – ужаснулась она.

– Как это обычно делается. Скорее всего, предложат добровольно отречься в пользу кого-нибудь... кого скажут, в общем. – Его величество печально исследовал дно своего бокала и потянулся за бутылкой. – Не думаю, что меня станут убивать – это довольно непредсказуемо по последствиям и с подданными, и на международной арене. Кроме того, если убивать меня, то придется что-то делать и с Элмаром, а это еще больше проблем... Так что, вероятно, мне просто дадут хороший пинок под зад и вежливо попросят больше не показываться в этой стране.

Шеллар разлил коньяк по бокалам, потом отставил свой на стол и принялся набивать трубку.

– И ничего нельзя поделать? Совсем-совсем ничего?

– Я думаю над этим, – пожал плечами король. – Не первый год. Может, до осени что-то соображу. Но обсуждать это с тобой мне бы не хотелось, да и вообще говорить об этом вслух. Ну а теперь, раз уж я с тобой поделился, расскажи и ты откровенно о своих проблемах – что тебя беспокоит, кроме чепчика, соседей и того, что ты имеешь по моей милости?

– Да ну, сушая ерунда! – отмахнулась Ольга, осознав масштабы королевских забот. – Во всяком случае, это мелочи, которые не идут ни в какое сравнение с вашими. Давайте я лучше что-нибудь расскажу.

– Что ж, если ты так не хочешь говорить о своих проблемах... – Король снова ссутулился в кресле и уставился на огонь, зажав трубку в зубах. – Расскажи. А о чем?

– Еще не придумала. – Ольга в очередной раз полюбовалась профилем его величества и вспомнила первый вечер их знакомства.

– Чему ты улыбаешься? – спросил Шеллар.

– Вы так живописно выглядите с трубкой у камина... Вам никто не говорил о Шерлоке Холмсе?

– Нет. А кто это?

Ольга вдохнула поглубже и приступила.

Далеко за полночь, когда запас историй, которые она помнила, иссяк, его величество Шеллар III потянулся, выпроставшись во все свои пять локтей с хвостиком, и сказал с мечтательной улыбкой:

– Когда меня свергнут, я уеду в Лондру к кузену Элвису и займусь частным сыском. Это, наверное, необычайно интересно и совсем несложно. Буду сидеть с трубкой у камина и размышлять. А Элмар станет моим доктором Ватсоном.

– А по Камилле не будете скучать? – засмеялась Ольга.

– Да ну ее! Что я себе другую не найду? В Лондре я сойду за красавца, и все местные дамы будут моими. Правда, они там все страшны, как похмелье Элмара... Ты никогда не видела кузена Элвиса? Даже на портретах?

– Не помню. А это кто?

– Король Лондры, мой кузен по матери. Славный парень, но на вид еще страшнее меня и на локоть ниже ростом.

– Вы не страшный, вы милый, – возразила Ольга. – Жак верно говорит, что с вашими красавицами вы заработаете комплекс неполноценности.

– Трепло твой Жак, – беззлобно откликнулся король. – Психолог тоже нашелся! Рассуждать рассуждает, а разъяснить толком, что это такое, не может. А ты сумеешь?

– Попробую... – Ольга развела руками и объяснила.

– Путано как-то ты излагаешь... – вздохнул король, выслушав ее объяснение. – Хотя и понятнее, чем Жак. Я над этим обязательно подумаю, может, в его словах действительно есть какое-то зерно истины. Но вряд ли это что-то изменит. Мне почему-то всегда нравились красивые женщины. То ли это притяжение противоположностей, то ли следствие комплексов, о которых ты рассказываешь. Если я правильно все понял, то они у меня появились еще в юношеском возрасте, и мои придворные дамы тут ни при чем. А как у тебя обстоит дело с этим

вопросом?

– Так же, как и у вас, – невесело усмехнулась Ольга. – Жак надо мной как-то посмеялся, что мне нравятся красивые мужчины. Это, конечно, неправда, мне и вы нравитесь. Может, и мой увечный супруг мне понравится, я как-то уже свыклась с мыслью, что он хороший парень и все такое... Только где же он шляется до сих пор? Небось не успел опомниться, как тут же по бабам помчался. Азиль говорила, что он до этого дела был большой любитель.

– Вряд ли, – грустно заметил король. – Скорей он увидел себя в зеркале и до сих пор не может отойти от потрясения. Ты его теперь не боишься?

– Уже привыкла.

– Он тебе снился после того?

– Ни разу. Это хорошо или плохо?

– Не могу сказать. Наверное, хорошо. Может, Кантор все-таки имеет какое-то отношение к этой истории? Вдруг мистралиец и есть то звено, которое приведет тебя к привороженному жениху? Кто знает... И времени осталось всего ничего, вот что огорчает... До весны меньше двух лун, минус неделя на оглашение и церемонии, еще отнять неделю перед оглашением, когда запрещено играть свадьбы... Остается луна с небольшим. Где он шляется, действительно? Единственное, на что я надеюсь, это на то, что Алисе не удастся манипулировать Хаббардом так, как она хочет. Это вполне возможно, Хаббард не тот человек, которым можно так просто вертеть. Есть у меня кое-какие идеи на этот счет. Так что не отчаивайся – может, все обойдется. Не позволяй страху убивать себя раньше времени.

Ольга поправила передничек, заглянула в свой бокал и спросила:

– А вам не страшно?

– Мне? Почему?

– А если вас все-таки убьют? Не станут договариваться, а просто устроят несчастный случай, как мне.

– Что ж ты думаешь, я такой умный – и не выкручусь? – усмехнулся король и уже серьезно добавил: – Я не боюсь умереть. Смерть страшна, когда она отнимает жизнь близких, а если твою собственную – даже осознать не успеваешь. Вот ты был – и тебя уже нет. Ты не знакома с доктором Кинг, наставницей Терезы? Познакомься. Она тебе об этом расскажет еще проще, с тем особым очаровательным цинизмом, который присущ только хирургам и палачам.

– Интересная мысль... – Ольга задумчиво потрясла пустой портсигар и спрятала в карман. – Все это верно, только если умереть быстро... А зачем дракону девушки?

– Я спрашивал, – вздохнул король. – У одного... специалиста по драконам. Кстати, ты не знаешь случайно, что такое «марайя»? Нет? Впрочем, я на всякий случай спросил... Так вот, этот знаток дал мне не очень внятный ответ насчет того, что извращенец, дескать, и есть извращенец. А более подробно расспросить я не имел возможности.

– А как же это... анатомически возможно? – поразилась Ольга.

Король невесело усмехнулся:

– Люди – самые сексуально озабоченные существа в этом мире. Все мысли в одну сторону. У меня первая мысль была тоже об этом. На самом деле мы не знаем, что понимают под этим драконы. Может, употреблять в пищу человечину, по их понятиям, тоже извращение? А возможно, этот паразит из девушек украшения для своей пещеры мастерит. Или приглашает кучу мужиков и обхохотывается, глядя, как смешно люди этим занимаются... Предположений может быть сколько угодно. Точно никто не знает.

– Да уж, умеете вы обнадежить... – грустно заметила Ольга.

– Извини, – спохватился его величество. – Это я теоретически. А ты действительно настолько боишься?

– Я не боюсь умереть, – проговорила она, опуская глаза. – Я боюсь, что будет... больно.

– Если проблема только в этом, то я дам тебе на прощание хорошего яду. И не переживай. Кстати, большинство девушек так поступают. Раз дракон до сих пор не отравился, это позволяет предположить, что жертвы свои он все-таки не ест.

Ольга подняла глаза и посмотрела на Шеллара с некой одобрительной озадаченностью, как обычно, когда король выдавал какие-нибудь неожиданные выводы. И задала вопрос, который вдруг почему-то пришел ей в голову:

– А что бы вы сделали на моем месте? Если бы вас отправили... в качестве жертвы?

– Я? – Теперь озадачен оказался его величество. Он даже подумал некоторое время, прежде чем ответить. – Ну, знаешь, я же все-таки мужчина. Пожалуй, я бы одолжил у Элмара его штурмовое копье, которое все равно ржавеет без дела, и постарался подороже продать свою жизнь. Я, в отличие от тебя, не боюсь умереть больно.

– А это разрешено? В смысле – брать с собой оружие? – изумилась Ольга.

– Насколько я знаю, это не запрещено. Значит, можно. В любом случае последняя просьба – это одно из тех желаний, которое обязаны выполнить, и, если кто-нибудь догадается об этом попросить, я непременно разрешу. Только штурмовое копье ты не поднимешь. Я и то с трудом удерживаю с ним равновесие.

– А как же вы с ним управляетесь?

– Никак. Я с ним вообще не умею обращаться. С холодным оружием у меня те же проблемы, что и у тебя. Я удивительно бездарен в этом отношении. Меня много лет честно пытались чему-то научить – всех принцев обязательно учат хотя бы классическому фехтованию, – но наставники приходили в отчаяние. И кузен Элмар тоже. Он до сих пор не понимает, как можно не уметь владеть мечом. А что, тебе понравилась моя идея? Или все-таки предпочтешь порцию яда?

– А какая разница? – дрогнувшим голосом отозвалась Ольга и в который раз открыла пустой портсигар.

– Ну чего только не бывает на свете?! А если победишь? Вдруг этот извращенец не может сражаться с девушками или еще там чего? Вернешься домой и заживешь как прежде.

Это «как прежде» стало для девушки последней каплей, после чего она не выдержала и просто взорвалась:

– А зачем? На кой оно мне надо? Опять возвращаться в эту квартиру с придурочными соседями, на эту работу с козлом-начальником, таскать этот конченный чепчик и передничек... Как меня все достало! – Она шмыгнула носом и продолжила срывающимся от слез голосом: – Достала эта вонючая печка, которую надо топить дровами и которая все время коптит! И эти сволочные соседи и их «порядочные» бабы, которых мне иногда хочется перестрелять! И козел-начальник, который так и норовит полапать! Ненаглядные сотрудницы, которые надо мной смеются! Ваши дурацкие традиции, по которым я не могу ни одеться, как мне нравится, ни пойти, куда мне хочется, ни закурить, когда мне надо! Это платье, в котором я путаюсь, и этот траханный чепчик, будь он проклят! Ну почему я не воительница, не волшебница, не бард, на худой конец! Им хоть одеваться можно, как хочется! То же самое дерьмо, что и дома, пожалуй даже хуже! Пусть меня лучше съедят или вернут домой, к моему родному маньяку, чем жить в этих ваших Средних веках!

Голос отказался повиноваться окончательно, и Ольга просто разревелась, спрятав лицо в ладони.

– Ну, вот так бы и раньше, – сказал король. Он подошел, присел на подлокотник ее кресла и обнял за плечи. – С этого и надо было начинать, а не рассказывать увлекательные сказки о господине Холмсе. Поплачь как следует. Вот так. Могу даже подставить тебе плечо, если желаешь, только подвинься чуть-чуть. Мы с тобой отлично уместимся в одном кресле. Я, конечно, не такой мягкий и удобный, как Элмар, но в мои кости тоже вполне можно поплакаться.

Ольга послушно подвинулась, уткнулась в королевский камзол и зарыдала еще сильнее. Его величество терпеливо дождался, пока девушка притихнет, и протянул ей носовой платок, точно так же, как тогда, во дворе у Элмара.

– Не вытирай нос рукавом, – полушутя сказал он. – Что это у тебя вечно нет носового платка? Точно как у Жака. Вы с ним не родственники, часом? Должен сказать, мне давно не приходилось утешать плачущих женщин. Последний раз я утирал нос рыдающей даме лет пятнадцать назад или даже больше, когда учился вести допрос потерпевших. Ты приводи себя в порядок, а я схожу в кабинет к Жаку, принесу тебе сигарет и заодно самогона, а то коньяк у нас кончился. Будешь самогон? Я так и думал. А потом сядем и спокойно поговорим.

Шеллар выбрался из кресла и направился к кабинету, легко перешагивая через две ступеньки. Ольга, старательно вытирая кружевным платочком зареванные глаза и распухший нос, следила, как король набирает код замка и скрывается за дверью. Думала Ольга о том, что ведет себя позорно и недостойно, развесив тут сопли в три ручья, что придворные дамы – круглые дуры, раз не могут по достоинству оценить такого удивительного мужика, своего короля, и о том, где бы себе взять хоть немножко мужества и самообладания, как у его величества Шеллара III, с улыбкой ожидающего свержения в конце Золотой луны.

Король вернулся в свое кресло, протянул ей сигареты, наполнил бокалы и в очередной раз одарил внимательным взглядом.

– А теперь давай обсудим твои проблемы.

– Да не надо... – попробовала возразить Ольга. – Ну их на фиг, до весны дотерплю, а там сами отпадут.

– Нет, надо! – настоял Шеллар. – А то и до весны не дотерпишь. Начнем по порядку. С печки. Это самое простое. Вызови специалиста разобраться, отчего она коптит. Может, всего лишь трубу надо прочистить или еще что-то в этом роде. Это вовсе не проблема. Далее – соседи. Это тоже решаемо, об этом я уже говорил. Пусть с ними потолкует Элмар, и они сразу научатся вести себя, как подобает порядочным горожанам. И нечего стесняться, для этого и существуют мужчины, будь они отцы, мужья, братья, любовники или просто друзья. Что касается смотрителя королевской библиотеки, он всех сотрудниц лапает, поскольку ни на что большее уже не способен. Разрешаю тебе огреть его каким-нибудь фолиантом поувесистее. Потом объяснишь ему, что это разрешил тебе лично я, и передашь от меня привет. Он поймет, у нас с ним уже неоднократно были разговоры на эту тему. Теперь о коллегах по работе. Из-за чего они над тобой смеются?

– Из-за всего, – вздохнула Ольга.

– То есть они тебя просто не любят и поэтому находят повод посмеяться? Или у вас были конфликты?

– Не было.

– Смеются в глаза или за спиной?

– За спиной.

– Тогда есть два варианта. Лучше всего – просто наплюй на них и не обращай внимания. Люди склонны подтрунивать над всем, что недоступно их убогому пониманию. Надо мной тоже всю жизнь смеются. Ты же сама анекдоты про меня слышала. Так что, из-за такой ерунды всю жизнь страдать? А если тебе хочется отомстить, попробуй ответить тем же. Понятно, что их много, а ты одна. Договорись с Жаком, пусть он придет к тебе на работу. Вместе вы их высмеете так, что твоим коллегам стыдно будет на люди показаться. Жак это умеет – что-то, а свою профессию он освоил в совершенстве. Да и у тебя с чувством юмора все в порядке. А относительно одежды... Действительно, потерпи до весны. Потом, если все обойдется, я тебе королевским указом за какие-нибудь особые заслуги дарую право одеваться, как тебе нравится. Придумаю за какие. Если бы мы подумали об этом с самого начала, можно было бы сделать это луну назад за геройское спасение Эльвиры, но сейчас это уже дело прошлое, поздно. Ну вот, основные твои проблемы и решены. Еще есть какие-то? Мы и с ними разберемся.

Ольга нервно дернула сигаретой и молча покачала головой.

– Ну что ж, – задумчиво протянул король, попыхивая трубкой. – А теперь позволь сказать тебе самое главное. Все твои проблемы доводят тебя до слез не из-за своей сложности, а из-за того, что ты их принимаешь близко к сердцу. А поскольку ты так из-за всего этого переживаешь и при этом не делаешь никаких попыток что-то решить, я делаю вывод, что у тебя просто депрессия. Поэтому и раздражают такие мелочи, как чепчик и коптящая печка. Причин же твоей депрессии я вижу две. Во-первых, ты приготовилась умереть в первый день весны, потеряв всякую надежду и не пытаясь сопротивляться или искать

выход. Во-вторых, ты одинока. И поэтому тебе плохо. Как бы пошло и банально это ни звучало, тебе нужен мужчина. Не друг, не товарищ, как мы с Элмаром или Жак, а мужчина. Любовник. И это тоже не такая уж проблема. Как я уже говорил, на свете полно отчаянных ребят, которые не боятся никаких проклятий. Если не рассчитывать на серьезные отношения – а насколько я тебя знаю, замуж ты не стремишься, – такого мужчину найти легко. Ты девушка молодая, симпатичная, без предрассудков, у тебя не должно быть с этим проблем.

– И все-таки они у меня есть, – вздохнула Ольга.

– Какие?

– Как вам сказать... Я не могу просто так упасть в постель с совершенно чужим человеком. Мне надо либо почувствовать его близким, либо набраться до чертиков, как на охоте. Да и не нравится мне никто из местных мужчин, если честно. И давайте об этом не будем.

– Что ж, если не хочешь... В конце концов, я сам терпеть не могу, когда лезут в мою личную жизнь. Однако должен заметить, что мужчины не нравятся тебе, только когда ты трезвая. Стоит тебе выпить больше, чем следует, так и Лаврис понравится. Напоследок все же посоветую решить в первую очередь эту проблему, и ты увидишь, как все остальные сразу померкнут.

– Еще бы! – фыркнула Ольга. – Если я залечу или подцеплю какой-нибудь местный триппер, остальное точно померкнет.

– В нашем мире нет венерических болезней. Хотя до сих пор удивительно, как их не завезли переселенцы.

– А откуда вы про них тогда знаете? Жак рассказывал?

– И очень живописно.

– Из собственного опыта?

– Именно. Должен отметить, у него была бурная юность.

– Ну и хорошо.

– Что именно?

– Что он вам рассказал. А то пришлось бы объяснять мне, а это очень невкусная тема. Да и знаю я ее плохо.

– Что ты, я бы никогда не попросил даму об этом рассказывать. А в изложении Жака все выглядело очень смешно и совсем не страшно. Кстати, какие у вас сейчас отношения с Жаком?

– Как и прежде – ровные дружеские. А что?

– Ничего. Я просто спросил. Подумал, что в этом может заключаться причина того, что тебе не нравятся другие мужчины.

– Нет, уже не в этом. Мы с ним чудесно дружим, он для меня как подружка. С ним весело и легко, можно обо всем потрепаться.

– Да, это верно, – призадумался король. – С ним весело и легко. А еще он очень любит людей разыгрывать. Одна из моих дам как-то обратилась к нему за советом, как меня половчее очаровать. Так он ей посоветовал нарядиться варваркой, разрисовать лицо, насовать перьев в волосы и в таком виде прийти меня соблазнять. И еще завывать, как кошка... Смеешься? А зря. Я это тебе говорю всерьез, чтобы ты поосторожнее относилась к его советам. Особенно в том, что касается меня. Меня он тоже любит разыгрывать.

– Это тонкий намек на последнюю просьбу? – догадалась Ольга. – А в чем прикол?

– В том, чтобы поставить нас обоих в дурацкое положение. Я тебе настоятельно рекомендую этого не делать. И даже прошу. Пожалуйста. Пообещай мне, что ты этого не совершишь.

– Не буду, – улыбнулась Ольга. – Но и обещать не стану. Доживем до весны, там посмотрим. Тем более что я так и не поняла, в чем прикол, а вы своими объяснениями меня только заинтриговали.

– Ольга, я на тебя обижусь.

Девушка засмеялась:

– Обещаю. Не просить у вас ночь любви, если придумаю что-то другое.

– А если не придумаешь?

– Да не переживайте, может, и просить-то не понадобится. Сами же говорили, вовсе не обязательно меня в жертву снарядят. А почему вы так боитесь, что я у вас попрошу? Вам это неприятно или что?

– Или что, – вздохнул король. – Ладно, вернемся к этому вопросу после оглашения, что это я, действительно... Слушай, а правда, что ты пишешь стихи?

Ольга вспыхнула и поспешно схватилась за шкатулку с сигаретами.

– Ну, не стесняйся. Это мне Жак сказал, так что не отпирайся. Почему ты их никому не показываешь? Стесняешься? Зря. Почитай мне что-нибудь.

– Вам? – Ольга совсем смешалась и долго не могла зажечь спичку, чтобы прикурить. – Но... зачем? Не надо...

– Я хочу послушать. Можешь не стесняться, я не умею настолько точно отличать хорошие стихи от плохих, как мой поэтический кузен. Мне просто интересно, о чем они, как ты выражаешь себя, что у тебя в душе. Если, конечно, ты считаешь меня вправе этим интересоваться.

Ольга вздохнула и отпила для храбрости. В конце концов, ей давно хотелось хоть кому-нибудь прочесть сомнительные плоды своих бессонных ночей.

Глава 3

Но ведь это место для скандалов и создано: каждый час по расписанию завязываются кулачные бои, а в промежутках кто-нибудь влезает на стол и разражается речью.

К. Саймак

Кантор отозвал в сторонку Торо и тихо спросил:

– Я вам очень нужен ночью? Может, я смогу сходить по своим делам? Вы же все равно будете спать. А к утру я вернусь.

– И куда ты собрался? – добродушно поинтересовался Торо.

– По бабам, – серьезно ответил Кантор. – Нет, правда,пустишь? Не ограбят же вас за ночь.

– Не знаю... – Торо задумчиво почесал затылок. – Ночью – может быть, но не сейчас. Наш бесценный подопечный наверняка соберется поужинать в трактире, а ты же знаешь, что его нельзя оставлять без присмотра.

– А ты не можешь ему запретить?

– Не могу. Мои полномочия на это не распространяются. После ужина посмотрим, ладно? Я-то не против, но только не раньше, чем дон Ромеро уgomонится и ляжет спать.

Кантор досадливо передернулся, представив себе, как будет выглядеть его визит к даме среди ночи, и вздохнул, смиряясь с неизбежным. Что ж, на этот раз навестить Азиль и познакомиться с ее подругой не удастся. А жаль.

– О чем вы там шушукаетесь? – поинтересовался Эспада, занятый у зеркала своей прической.

– Да вот, Кантор по бабам собрался и просит разрешения отлучиться, – пояснил Торо.

– Ну, если это секрет, то пожалуйста – так бы и сказали, а то «по бабам», – пожал плечами Эспада.

Кантор снова вздохнул и полез в мешок за расческой. Торо оглянулся на дверь ванной, где в это время плескался подопечный, и проворчал:

– Долго он там еще будет сидеть? Почему я всегда последним должен мыться?

– Потому что у тебя самые короткие волосы, – спокойно пояснил Эспада, разделяя пряди на виске. – А у Кантора самые длинные и долго сохнут. Поэтому он моется первым, я – вторым и так далее. Чтобы, пока вы с Ромеро домоетесь, мы с Кантором уже высохли. Принцип понятен?

– Но мне это надоело. Я вас с Кантором как-нибудь ночью тихонько постригу, – добродушно проворчал Торо. Эспада засмеялся и принялся заплетать косичку на правом виске, а Кантор серьезно сказал:

– Шутки шутками, но не вздумай и вправду такое сделать.

– Я, конечно, шучу, – улыбнулся Торо, – но, если серьезно, зачем тебе такие лохмы? Неудобно же. И мешают, и сохнут долго, и мыла на них идет много.

– Мне нравится, – жестко отрезал Кантор.

Торо внимательно посмотрел на него и спросил:

– Это из-за того, что в лагере тебя остригли наголо? Или тебе всегда так нравилось?

– Не твое дело, – огрызнулся Кантор.

За Торо водилась дурацкая манера задавать вопросы о том, о чем не следует, и, если бы Кантор не знал ее истоков, давно бы уже крепко обиделся и набил товарищу морду, невзирая на разницу в весовых категориях. Но, зная причины нездорового любопытства товарища Торо, он понимал, что тот вовсе не намеревается кого-то обидеть, а просто в прежней своей жизни привык учинять подобные расспросы и, более того, получать на них честные ответы.

– Отстань ты от него, – посоветовал Эспада, закрепил косичку и занялся левым виском. – Меня, например, тоже в свое время взбесило, когда остригли наголо.

– Косичек было жалко?

– Жалко? Да это самое страшное оскорбление для профессионального фехтовальщика, когда с него состригают классовые знаки различия. Если тебе это будет понятно. Ведь ты у нас неизвестно кто.

– Уж конечно не фехтовальщик, – проворчал Торо. – Я правда не знал, что твои косички что-то означают. Думал, для красоты. В нашей деревне воинов не водилось, и в их прическах я не разбираюсь. Кантор, а твой хвост тоже что-то значит?

– Да, – серьезно кивнул Кантор. – Иди, я тебе на ухо скажу.

Торо заинтересованно подставил ухо, выслушал и с хохотом ткнул товарища кулаком под ребра.

– Ну тебя с твоими шуточками! Ты как скажешь!

– А мне и это слышать нельзя? – поинтересовался Эспада, разделяя пряди на затылке.

– Можно, – ответил Кантор. – Но зачем? Ты же не достаешь меня дурацкими вопросами.

– Понял, – улыбнулся фехтовальщик. – Кстати, Кантор, ты, случайно, не толкуешь сны?

– Не особенно, – признался Кантор. – А почему ты решил?

– Ну, у тебя же есть всякие магические способности, я подумал, может, ты и это умеешь.

– Торо умеет, – посоветовал Кантор, кивая на товарища.

– А откуда ты это знаешь? – искренне удивился Торо.

– Иди, на ухо скажу.

– Спасибо, я уже наслушался. Ну, умею, верно, – и, обращаясь к Эспаде, спросил: – Расскажешь сейчас или наедине?

– Потом, – решил Эспада и уложил последнюю косичку, пристегнув специальной шпилькой. А Кантор, поколебавшись, сказал:

– Кстати о снах. Торо, растолкуй, что может значить то, что мне регулярно по пятницам снится один и тот же человек и говорит о чем-то непонятном. Во всяком случае, я не понимаю, к чему это.

– Кто именно? – уточнил Торо. – Знакомый или нет, живой или мертвый?

– Знакомый, – объяснил Кантор. – Правда, едва-едва. Я видел его один раз в жизни, помню, что нас познакомили на какой-то пьянке. Но он уже мертвый – это точно.

– А кто такой?

– Совершенно точно знаю, что мистик. Герой.

– Скорее всего, он просто хочет что-то передать в мир живых. Может, именно тебе. Что он говорит?

– Сначала, что я обязательно должен приехать в Ортан и кого-то там найти, не помню кого. А в последний раз объяснял про какую-то марайю и просил это передать... Не запомнил кому. У меня после этих снов как провалы в памяти, я их плохо помню.

– Совладай как-то со своей дырявой памятью, – посоветовал Торо. – Если ты действительно не помнишь, а не просто не желаешь мне говорить. Он точно хочет что-то кому-то передать? Поройся в памяти и вспомни, что он тебе говорил. Ты именно для этого хотел отлучиться?

– Да нет, не для этого... – Кантор задумчиво подергал себя за серьгу. – Я действительно не запомнил. А что такое «марайя»?

– Понятия не имею. Он же тебе объяснял?

– Провал в памяти. Он что, не мог кому-то другому присниться? Почему мне? Я же его едва знал. У него были друзья.

– Возможно, дело в твоих способностях. Или между вами существует какая-то связь. Он не при тебе умер?

– Нет. Может, мы виделись в Лабиринте?

– Кантор, – вздохнул Торо. – Со всем, что касается Лабиринта, разбирайся сам. Тут тебе никто ничего не посоветует. Откуда ты вообще взял это понятие?

– Мне объяснял... э-э-э... один неклассический маг. Не понимаю, почему никто больше не видит Лабиринта.

– Не знаю. Попробуй и об этом магов спросить. Неклассических.

– Или мистиков, – посоветовал Эспада.

Кантор усмехнулся, но ничего не сказал.

Из ванны выбрался наконец Ромеро, и Торо поспешил занять его место.

– Что делаем вечером? – поинтересовался Эспада.

– Как – что? – жизнерадостно отозвался Ромеро. – Пойдем куда-нибудь, поужинаем. Может, с девушками познакомимся. Ты как насчет девушек?

– Мне все равно, – пожал плечами фехтовальщик. – Есть – хорошо, нет – и ладно. А для тебя это что, больной вопрос? Проблемы?

– У меня? – обиделся Ромеро. – По-твоему, если мужчина хочет пообщаться с девушками – значит, у него проблемы? Проблемы – это когда наоборот. Это к Кантору. И к Торо. А у меня как раз с этим проблем нет.

– Сейчас будут, если не заткнешься, – подал голос Кантор.

– Перестаньте, – спохватился Эспада. – Не хватало только скандала из-за такой ерунды.

– Ладно-ладно, обидчивые все какие...

– Куда пойдем?

– А прямо здесь, в «Лунном Драконе» и посидим. Я узнал, что сегодня тут будет просто цветник. Куча симпатичных библиотекарьш.

– С кавалерами, – угрюмо заметил Кантор.

– Ну прямо-таки все с кавалерами! Хоть кто-то должен же прийти без кавалера. А тут и мы, все из себя красавцы.

– Это ты о себе? – ехидно поинтересовался Кантор.

– Нет, я обо всех. Что ты к каждому слову придираешься? Мы все ребята хоть куда, даже Торо не такой еще старый. Кстати, а почему он так избегает противоположного пола?

– Это его дело, тебе не кажется? – с некоторой угрозой в голосе произнес Кантор, надеясь, что болван наконец заткнется.

Дался ему этот Торо со своими странностями... А если так уж интересно, пораскинул бы мозгами да сопоставил такие странности товарища, как склонность лезть знакомым в душу с расспросами или неизменное отвращение к холодному оружию, которому Торо предпочитал тяжелую палку, обитую мягким войлоком на концах. Сделал бы из этого выводы и тут же понял, что отсутствие интереса к противоположному полу становится с этими странностями в один ряд и является вполне логичным и объяснимым...

– Да что у тебя, чего ни спроси, все не мое дело? Хоть что-то можно объяснить? Тебе самому-то не интересно, почему Торо никогда не интересуется девушками? Может, у вас одинаковые проблемы?

– Мне не интересно. – Кантор еще раз оборвал неумного болтуна. – Я это знаю. И проблемы у нас совершенно разные, если это вообще можно назвать проблемами. А теперь я тебя в последний раз прошу заткнуться, озабоченный засранец, потому что, если ты еще что-то подобное скажешь, получишь в глаз без предупреждения.

Ромеро обиженно засопел и умолк.

Ольга чувствовала себя ужасно неуютно и неловко в платье с кружавчиками-рюшками и парадно-выходном чепчике. Платье на ней сидело как на вешалке и путалось в ногах, а чепчик с торчащей из-под него челкой делал ее похожей на Красную Шапочку. Умственно отсталую и в синей шапочке. Почему-то на остальных девушках все это смотрелось нормально, что угнетало Ольгу еще больше. Если бы вечеринка в «Лунном Драконе» не была формальным мероприятием, она не пошла бы на нее вовсе, чтобы не позориться. По счастью, благодаря советам его величества теперь у нее установились более-менее сносные отношения с частью коллектива. После того как Ольга действительно огрела шефа увесистым фолиантом на глазах изумленных сотрудниц и передала привет от короля, коллектив библиотеки резко раскололся на две фракции. Часть сотрудниц по-прежнему над ней хихикала, зато остальные прониклись небывалым уважением. Господин смотритель достал всех своей старческой любвеобильностью, и то, что он получил сдачи хоть раз, весьма библиотекарьш потешило. Кроме того, народу стало интересно, каким образом его величество передает через Ольгу привет, и несколько особо любопытных постарались это выяснить. Слово за слово, завязался нормальный человеческий контакт, перешедший вскоре во вполне приятельские отношения. Теперь, по крайней мере, с Кларой и Лаурой Ольга могла поговорить, не опасаясь нарваться на ехидную ухмылочку. Клара была девушка серьезная, вдумчивая и влюбленная в науку, работу в библиотеке расценивала как возможность бесплатно пользоваться книгами и проводила здесь почти все свое время. Ей страшно нравились Ольгины рассказы о мудрости и образованности его величества, и она носилась с идеей лично познакомиться с королем. Лаура же была неисправимо романтична и просто млела от таких понятий, как «любовь», «проклятие»

и «судьба». Пока Ольга успела познакомить Клару и Лауру только с Жаком, и тем дело закончилось, поскольку королевский шут немедленно очаровал Клару, и та очень быстро заняла одно из ведущих мест в его расписании, напрочь забыв о его величестве, знакомство с которым отложилось на неопределенный срок.

– А почему вы без кавалеров? – спросила Лаура после первого же тоста, как только участники вечеринки занялись своими тарелками.

– Да у меня его нет, – пожала плечами Ольга. – А что, это обязательно?

– Не обязательно, – утешила ее Клара. – А Жак наотрез отказался идти. Не знаешь почему?

– Не знаю, – ответила Ольга. – А как у вас с ним?

– Ничего особенного, роман как роман. Этот Жак такой легкомысленный, просто ужас! Вчера я у него в гостиной столкнулась с какой-то шикарной дамой. Судя по тому как он перепугался, у него и с ней тоже... Просто невероятно ветреный кавалер. Я бы его сразу бросила, но он столько всего знает... Попозже брошу, как только он все мне расскажет.

Лаура влюбленно посмотрела на своего спутника и улыбнулась.

– Это, наверное, Эльвира была, – догадалась Ольга. – Как Жак ухитряется крутить несколько романов одновременно, просто поражаюсь.

– Уметь надо, – пожала плечами Клара. – Ольга, может, познакомишь нас сегодня с твоей подругой-нимфой?

– Если она захочет, – пообещала Ольга. – А зачем тебе?

– Мне интересно, какие они, нимфы. Сегодня она здесь танцует. Ты разве не знала?

– Нет. Я даже до сих пор не видела, как она танцует. Хорошо, я ее спрошу. А ты не боишься, что она в тебя заглянет и все о тебе узнает?

– А во мне нет ничего такого, чтобы скрывать, – пожала плечами Клара и оглядела зал. – Ну вот, только этого не хватало! На первый взгляд такое приличное заведение...

– Что не так? – Ольга проследила за ее взглядом и увидела четырех весьма живописных мужчин, вошедших в зал.

– Как – что? Мистралийцы пожаловали. Они же все сексуально озабоченные, эти горячие мистралийские парни. Сейчас немного выпьют, и хоть под стол прячясь. Ты не знала?

– Что, действительно настолько? – удивилась Ольга.

– Бывают исключения, но редко. Основным достоинством мужчины у них считается приставать к каждой встречной даме.

Ольга принялась заинтересованно рассматривать вошедших.

Первым из-за своей странной прически бросался в глаза подтянутый седоватый мужчина лет сорока. Потом – пожилой усатый дядька примерно таких же габаритов, как принц Элмар, только потолще в талии. Третий показался Ольге знакомым. Не тот ли это самый Кантор, что приходил тогда к Азиль? Только тогда он был с усами, а теперь без. Может, просто похож... Не запомнила толком, а они все черные, смуглые, поди отличи... А четвертый... Симпатичный, но ничего выдающегося. Третий лучше. И первый ничего, но третий моложе.

– А что они тут делают? – спросила Ольга, проводив мистралийцев взглядом. – И почему их сюда пустили, если они такие невоспитанные?

– А под каким предлогом их можно не пустить, если они подходят под категорию приличной публики? – пояснила Клара. – Этот, который богаче других одет, видимо, состоятельный купец, а такие господа – желанные клиенты в любом заведении. Остальные – его охрана, без которой он, разумеется, никуда. В случае если они что-то неподобающее учинят, платить будет он, так что, по идее, сам за ними должен присматривать и пресекать попытки любых безобразий. Ну а практически, глянь на его рожу, сам же первый и начнет. Остается только надеяться, что у него хватит ума различить, где порядочные

девицы, а где местные блудницы, которые только и ждут клиентов. Купцы обычно бывают здесь проездом и завтра двинут на восток, в Голдиану. А если у них в столице какие-то дела, тогда здесь несколько дней проведут. Но за это время весь город перевернут вверх дном, если каждый вечер будут так по трактирам ходить. Ты с ними осторожнее, не вздумай улыбаться, а то решат, что ты на все готова.

– Ничего, – невесело усмехнулась Ольга. – Если додумаются пристать, я им расскажу о проклятии, сразу отстанут.

– Купец, может, и побоится. А охранники парни лихие, головорезы, они со смертью на «ты», им твое проклятие до... не страшно, в общем. Так что и не думай их только этим отпугнуть.

– Что ты, Клара! – отозвалась сидевшая напротив Зиана. – Она, наоборот, надеется, что на нее хоть мистралиец позарится.

– Каждый понимает в меру своей испорченности, – немедленно отозвалась Ольга, жалея, что рядом нет Жака. Уж он бы сказал что-нибудь не столь банальное. Впрочем, и этого хватило. Зиана фыркнула и зашептала что-то на ухо своему кавалеру, после чего оба противно захихикали. Ольга гордо сделала вид, что это ее не касается, и продолжила исследование зала. Ее внимание привлек довольно громкий разговор в углу, где играли в карты. Она повернулась туда и сначала решила, что ей показалось. Потом – что она все-таки упустила что-то в этнографических лекциях Элмара. А потом – что перед ней просто еще один переселенец.

– Крупье мухлюет! – возмущенно возглашал он, хватая упомянутого крупье за отвороты ливреи.

– Полиция! – вопил крупье.

– Дик! – кричал хозяин. – Сюда! Ребята! Остановите его!

От дверей уже бежал рыжий вышибала Дик, из подсобки появились еще какие-то слуги, в зале вот-вот должна была начаться драка, и самые осмотрительные уже приготовились нырять под столы, а Ольга, застыв от изумления, смотрела на невысокого мужичка в вышитой рубашке и алых шароварах шириною,

как сказал бы классик, с Черное море. А еще у него были роскошные усы, серьга в ухе и настоящий казацкий чуб. Как в кино.

Драки не получилось. Откуда-то выскочила Азиль и закричала:

– Не смейте его трогать! Вы с ума посходили! Вы знаете, кто это?

– Ладно, ладно, – сердито отозвался мужичок. – Хай вам сто чертей, я уйду, подавитесь. Но ваш задрипанный кабак меня попомнит.

Он бросил об пол шапку и сказал несколько слов.

– Казак, не надо! – испуганно вскрикнула Азиль.

– Надо, деточка, а как же! – возразил мужичок, притопнул ногой и исчез вместе с шапкой.

– Вы что, ненормальные? – снова повторила Азиль. – Вы что, не видели, с кем связались?

– Да кто ж знал, что он маг? – развел руками хозяин. – Выглядел как воин. А что он сделал?

– Не знаю, – нахмурилась нимфа. – Не заметила. Но ничего хорошего. Он на вас обиделся. Скажите спасибо, что не начал саблей махать.

– Чем-чем?

– Саблей. Это его кривой меч так называется. Вы что, никогда про Казака не слышали? Если бы ему пришло в голову подраться, а не поколдовать, он бы из вас всех тут лапши нарубил.

– Ой-ой... – тихо сказал хозяин. – Ребята, по местам. Не закрываться же из-за этого. Может, обойдется. Больше посетителей не пускать, закроемся, как только все эти уйдут.

– Дело ваше, – пожала плечами Азиль. – Я бы на твоём месте закрылась сразу.

– Азиль, – жалобно протянул хозяин. – Но ты же не уйдёшь? Станцуешь хоть немного?

– Ну ладно, – вздохнула Азиль. – Зови музыкантов.

А Ольга вдруг подумала, что она никому ничего не обязана, и плевать она хотела на их традиции, и вообще!

Она сняла свой чепчик и сунула в сумочку.

– Пора уходить отсюда, – сказал Кантор, нервно вертясь на стуле. – Будет тут какая-то лажа, поверьте.

– Да с чего вдруг? – приподнял бровь Эспада. – Думаешь, этот коротышка вернется?

– Нет. – Кантор досадливо прищелкнул пальцами. – Он что-то наколдовал. На посетителей. Я всегда чувствую чужую магию. Когда на меня без спросу налагают заклинания из области классической магии, появляется такое особенное ощущение... очень противное. Так вот, сейчас оно у меня есть, а раз лично я ничем этого господина не обидел, значит, он заколдовал всех без разбору. Скоро тут что-то начнется. Либо массовая паника, либо массовое побоище, либо массовый перетрах.

– Тогда лучше остаться, – заметил Эспада. – Или ты предпочитаешь, чтобы это случилось в нашей комнате? Мы ведь уже все заколдованы, уходи не уходи.

– Тоже верно, – вздохнул Кантор и огляделся. – Ну где этот официант, неужели мы что-то сложное заказали?

– Пытается понять логику твоего заказа, – засмеялся Торо. – Надо же так поужинать – бутылка водки, две порции соленых орехов и пять порций мороженого! И морда же была у официанта, когда ты ему все это изложил!

– Не понимаю, я что, заказал что-то несъедобное? Между прочим, все это есть в меню.

Все рассмеялись.

– Кантор, – сказал Эспада, чтобы перевести разговор на другую тему. – А ты знаешь этого мага?

– А то ты не знаешь? – удивился Кантор. – Кажется, должен бы знать. Это же Казак.

– Это он и был? – поразился Эспада. – Я о нем слышал, но представлял его себе как-то... покрупнее, что ли.

– А кто это? – спросил Ромеро.

– Не знаешь? Ну, ты даешь. Знаменитый Казак, один из самых известных мультиклассов в мире. Воин, бард, мистик и маг. Причем именно в таком порядке. Уникальное явление природы. Ему около шестисот лет, и, что поразительно, по происхождению он чистокровный человек. И переселенец к тому же. Он в нашем мире уже очень давно и объездил его вдоль и поперек. До первого переворота жил в Мистралии, служил в личной охране короля и, кроме того, учил магии принца Орlando. Совсем немного, в классической магии он и сам не особенно... У него какая-то своя, необычная Сила. К примеру, вы обратили внимание, как он телепортируется? Моментально, за одну секунду. Но зато таким образом он может перемещаться только один, никого другого с собой не возьмет. А еще ходят слухи, что он нечувствителен к полиаргу. Говорили, что во время первого переворота он попал в плен и телепортировался прямо из камеры вместе с ошейником, который на него надели. Также болтают, что именно он помог принцу бежать после второго переворота, хотя сам он этого не признает.

– Почему? – удивился Торо. – Может, это и в самом деле только легенда?

– Вполне возможно. Судя по тому что он одно время и сам искал пропавшего принца, это может быть и легендой. Хотя не исключено, что Казак только делал вид, что ищет Орlando, чтобы никто не догадался, что принц у него... И еще Казак очень толковый бард, хорошо рисует и поет.

– Я слышал, – кивнул Эспада. – Он даже одно время прибил к трупке Эль Драко и выступал в качестве певца. И я ничуть не был удивлен, когда это узнал. Гораздо более странным мне показался тот факт, что он каким-то образом попал ко двору. Насколько я знаю, этот господин больше всего на свете любит свободу и не переносит аристократов и коронованных особ...

– Ну, – усмехнулся Кантор, – сам он по этому поводу выразился примерно так: «Ох, до чего только не доводят мужчин эти шальные красотки...»

– А ты что, лично с ним общался по этому поводу? – уточнил Торо.

– Разве я сказал, что слышал это лично?

– Тогда, может, это тоже легенда?

– Не думаю. Человек, который рассказал мне об этом, был в курсе дела и вполне достоин доверия. И в данном случае я охотно верю и ничуть не удивлен. Принцесса Габриэль не могла обойти своим щедрым вниманием такое чудо природы, как Казак... Ой, надо же, Азиль все-таки собралась танцевать. И не боится... Или она увидела, что именно он сделал, и ей это не угрожает? Надо будет ее спросить.

– Что, вот так подойдешь и спросишь? – поддел его Ромеро. – А не пошлет она тебя куда подальше?

– Тебя бы послала, – огрызнулся Кантор. – А меня она знает.

– Познакомь, – попросил Ромеро. – Она мне нравится.

– Если ты ей понравишься, она сама к тебе подойдет.

– Эдак я буду ждать до конца жизни. Ты что, всегда так за девушками ухаживал – ждал, пока подойдет? И что, хоть одна подошла?

– Нет! Не надо! – вскричал Торо, вскакивая. Одной рукой он толкнул в грудь Кантора, который начал подниматься со стула, а другой отвесил Ромеро

отеческий подзатыльник. – Не смейте драться в общественном месте!

Кантор посмотрел на недостижимого противника, недобро прищурившись, и сказал:

– Всегда подходили. Если я захочу, подойдут и сейчас. А тебе приходится за ними бегать, отсюда твоя озабоченность. Все-таки у тебя точно проблемы. И не смей приставать к Азиль, иначе я тебе сделаю очень больно. Ты знаешь, что обидеть нимфу – большой грех?

– Так она нимфа? – заинтересовался Торо. – Откуда ты ее знаешь?

– Встречались, – неохотно ответил Кантор. – Но это было по делам, притом по особо секретным, так что и не просите, не расскажу.

– Я не собираюсь ее обижать! – не мог уговориться Ромеро. – Я вежливо предложу.

– Тупой ты ублюдок, тебе ясно сказано: если ты ей понравишься, она сама к тебе подойдет. А если нет, никакого смысла предлагать. Нимфы сами выбирают мужчин. На свое усмотрение. И твое желание для нее ничего не значит.

– А что мне сделать, чтобы ей понравиться? Кантор, ты же ее знаешь, скажи, что она любит?

– Ничего ты не сделаешь. Она заглядывает в людей и видит что-то внутри нас. Отвяжись.

Кантор развернулся на стуле, чтобы видеть зал, и стал наблюдать за танцем.

«... Ах, несравненная Азиль, ты действительно ничуть не изменилась за эти годы. Тебе не было еще пятнадцати, когда мы с тобой познакомились, а сейчас почти двадцать два. Люди взрослеют за это время, а ты совершенно не изменилась. У тебя все те же детские глаза, и ты все так же божественно танцуешь, как умеют только нимфы. Ты по-прежнему любишь ходить босиком и носить яркие хитанские юбки. А танцуешь ты только босиком и никак иначе. Ты кружишься, легкая и яркая, как бабочка, в своей алой с золотом юбке,

мелькают твои босые ножки, и вместе с тобой танцуют твои черные локоны, браслеты и ожерелья, и маленький бубен в твоих руках... Ты по-прежнему обожаешь ромашки. Ну почему у меня сейчас нет с собой ромашек? Я осыпал бы тебя белыми цветами, а ты бы радовалась и прыгала, как маленькая девочка, и хлопала в ладошки. Ты всегда радовалась, как ребенок, ты и сейчас делаешь это точно так же... Ах, Азиль, волшебное создание... Как же мне хочется согласиться на твое щедрое предложение, так соблазнительно верить, что за одну ночь ты сумеешь вернуть мне все, что я потерял. Так легко верить в чудо, любуясь тобой. Но таких чудес не бывает. Единственное, что случится наверняка, – ты меня узнаешь. Так что не надо, милая. Лучше я просто на тебя посмотрю. Ты не просто прекрасна, ты совершенна...»

Кантор почувствовал, что его трясут за плечо, и обернулся.

– Вы чего, ребята? – недоуменно спросил он, оглядев их перепуганные лица. – Что-то не так?

– Слышали? – хмыкнул Торо. – «Что-то не так?»

– Все так, – усмехнулся Эспада. – Может, ему зеркало дать, чтобы увидел свою блаженную улыбку до ушей и понял, чего мы?

Кантор рассмеялся:

– Вы что же, думали, что я вообще не умею улыбаться?

– Мы просто никогда не видели тебя в таком хорошем настроении, и это как-то вызвало сомнения, что такое вообще возможно. Что это с тобой? Еще и не пил вроде?

– Действительно! – Кантор потянулся к столу. – Наконец-то мне принесли водку и мороженое... Да чего вы на меня так уставились? Давайте выпьем. Здесь так весело и вообще...

Он огляделся, осматривая зал, и с удивлением заметил, что помимо воли останавливает взгляд на хорошеньких девушках. Да что это с ним, в самом деле? Ведь, действительно, даже не пил еще... А вот эта ничего... И эта,

в зеленом, тоже... А эта, с косичками... вроде ничего выдающегося, но сразу обращает на себя внимание, потому что одна среди всех с непокрытыми волосами. И еще в ней есть что-то экзотическое и чуждое... Ах, ну конечно, как же он мог не узнать! Это же та самая переселенка, которую он видел у Азиль. Вот и прекрасно, тут-то мы и познакомимся, и ходить никуда не надо, вот ведь как повезло... Не надо бы напиваться перед знакомством с дамой, но... одну рюмку можно.

Кантор выпил, бросил в рот соленый орех и принялся за мороженое.

– Послушай, – заговорил Торо, с любопытством наблюдая за ним. – А если не секрет, откуда такое пристрастие к мороженому? Стоит тебе попасть в цивилизацию, и ты его лопаешь в огромных количествах.

– Просто люблю, – пожал плечами Кантор, приканчивая первую порцию и поглядывая на вторую – У меня было тяжелое детство, и мне не давали мороженого. А так хотелось! А потом у меня была тяжелая юность. Я очень болел, и мне опять не позволяли есть мороженое, а еще пить и курить.

– И с девушками водиться не давали, – засмеялся Ромеро.

– Глупый ты, – как-то совершенно беззлобно сказал Кантор. – Если бы мне не давали водиться с девушками, я бы сейчас с ними водился, так же как ем мороженое. И в таких же количествах.

– Не хочешь говорить, не надо, – отозвался Эспада. – Но зачем же так прикалываться? У тебя такие правдоподобные шутки получаются, что вот Ромеро, например, может вполне принять за правду.

Кантор засмеялся и потянулся за второй вазочкой.

– А что, я произвожу впечатление тяжелобольного человека?

– Иногда, – серьезно сказал Торо.

Он хотел еще что-то добавить, но Эспада вдруг резко вскочил, опрокинув стул, но поймал его на лету и тут же произнес:

– Прошу вас!

Кантор оглянулся. Азиль, как всегда, подошла совершенно бесшумно. Даже он не услышал.

– Спасибо, – сказала она и села, с откровенным любопытством разглядывая мистралийцев.

Эспада огляделся и схватил ближайший свободный стул. Господа, сидевшие за соседним столом, неодобрительно проследили за уходящим стулом, затем подняли взоры на прическу Эспады и дружно уткнулись в тарелки, сделав вид, что ничего не заметили.

– Здравствуй, Азиль. – Кантор улыбнулся и поставил мороженое на стол. – Как поживаешь?

– Неплохо, – ответила она. – А ты? Еще не надумал?

– Почти, – кивнул Кантор. – Но не сегодня. Ты познакомишь меня со своей подругой? Я ее только что видел в зале.

– С Ольгой? – Азиль встревоженно завертела головкой, разыскивая подругу. – Точно, вон она. Да здесь вся библиотека... Надо ей сказать, чтобы домой уходила.

– Почему? – удивился Кантор.

– Ты же видел Казака. Знаешь его?

– Немного. А ты поняла, что он сделал?

– Увидела. Есть у него такое милое заклинание собственного сочинения: «Стань собой».

– Ой-ой... – тихо сказал Кантор. – Представляю, что начнется в кабаке, когда все станут собой... Это пока трезвые – еще ничего, а как выпьют... А что же ты не уходишь?

– Мне это не страшно, я-то всегда остаюсь собой. А вот Ольгу надо спровадить, а то может случиться скандал. Я вижу, чепчик она уже сняла, значит, началось.

– При чем тут чепчик?

– Она его ненавидит, – улыбнулась Азиль. – Носит, потому что положено, и ругается все время по этому поводу. Ольга по сути своей бунтарская душа, и, став собой, она начнет протестовать против всего, что ей не нравится. Скандал гарантирован.

– Пойдем, – попросил Кантор. – Познакомь меня с ней, и мы вместе уйдем. У нас еще есть время?

– Есть. – Азиль внимательно и пристально оглядела его товарищей.

– Выбираешь? – спросил Кантор. – Или просто заглядываешь? Нравится кто-то?

– Выбери меня! – не удержался Ромеро. – Я очень хочу!

– Хоти в тряпочку! – осадил его Кантор.

А нимфа, с улыбкой посмотрев на Ромеро, сказала:

– Нет, ты мне не нужен, – потом перевела взгляд на Торо. – А тебе не нужна я, – и остановилась на фехтовальщике. – Ты мне нравишься. Хочешь, я приду к тебе сегодня?

Эспада слегка оторопел и вопросительно посмотрел на Кантора.

– Что ты мнешься? – улыбнулся Кантор. – Соглашайся.

– А где?

– Ради такого случаяними отдельную комнату. Деньги есть или тебе дать?

– Есть, конечно... А что я еще должен делать? – растерянно спросил Эспада.

– То же, что и обычно. Что ты, как маленький, – успокоил его Кантор.

– Просто я никогда не встречался с нимфой...

– Не бойся. Я подойду к тебе чуть позже, – засмеялась Азиль и повернулась к Кантору. – Ты умеешь танцевать фламмо?

Кантор прислушался к музыке и в очередной раз одарил присутствующих ослепительной улыбкой.

– Какой же мистралиец этого не умеет?

– Потанцуешь со мной?

– Ну конечно!

Они одновременно подхватились со стульев и вприпрыжку направились в центр зала. Эспада проводил их взглядом и спросил:

– Ну что, вы уйдете или останетесь?

– Мне-то все равно, – пожал плечами Торо. – Не думаю, что я настолько двуличен, чтобы бояться этого заклинания. Но мне до смерти интересно, что же еще, кроме танцев, отмочит Кантор, став собой.

– Не знаю, что отмочит Кантор, – вздохнул Эспада, – а вот мне надо уходить поскорее, потому что меня начинает одолевать сильное желание вызвать кого-нибудь на поединок.

– И чего я сюда пришла? – ворчала Клара – Что интересного в том, чтобы есть, выпивать и плясать? Я вообще плясать не люблю. Лучше бы почитала дома книжку. Или пошла в гости к Жаку. Он стольким интересным вещам научился от переселенцев, с которыми работает... Я тоже хочу работать с переселенцами.

Это интересно.

– А я хочу замуж, – заявила Лаура. Ее кавалер обреченно вздохнул.

– А я не знаю, чего хочу, – сказала Ольга. – Зато точно знаю, чего не хочу. Не хочу ходить в этом траханом чепчике и этом платье. Не хочу, чтобы каждая засранка, которой бог ума недодал, хихикала тут непонятно над чем. И вообще, думаю, не надрать ли ей задницу.

– Ты имеешь в виду Зиану? – уточнила Клара. – Она, конечно, вредная, но драться некрасиво. И ругаться такими словами тоже. Пусть себе пляшет со своим младшим писарем. А ты не хочешь потанцевать?

– Не умею, – вздохнула Ольга. – Я ваших танцев не знаю. А Зиана, кстати, танцует как корова. Я бы на ее месте и не выходила позориться. То ли дело Азиль.

– По сравнению с ней мы все коровы. А посмотри, какой у нее кавалер!

– Да, он красивый, – согласилась Ольга.

– Не сказала бы, что он такой уж красивый, но танцует здорово. И как Азиль не боится с мистралийцами связываться?

– А ей-то чего бояться? Она же, наверное, затем и подошла к ним, чтобы найти себе мужчину на ночь. Да и кто обидит нимфу?

– Всякие бывают люди, – наставительно заметила Клара.

Музыка сменилась, и пары стали возвращаться на места. Азиль со своим кавалером направилась почему-то к их столу, издали махая рукой.

– Ольга! – крикнула нимфа, приблизившись. – Подойди сюда.

«Значит, это все-таки он, – подумала Ольга, выбираясь из-за стола. – И она хочет нас познакомить».

– Здравствуй, – улыбнулась нимфа. – Вот, познакомьтесь. Это Ольга. А это Кантор.

Ольга решительно протянула руку для рукопожатия, расположив ладонь так, чтобы у нового знакомого не возникло сомнений и он не попытался поцеловать даме ручку. Мистралиец спокойно пожал ей руку, не высказав никаких сомнений, и улыбнулся.

– Очень рад. Только не зовите меня так. Это имя... для узкого круга.

– А как вас звать? – спросила Ольга.

– Как хотите.

Ольга еще раз посмотрела на нового знакомого, перебирая в уме красивые испанские имена. Почему-то ей захотелось назвать его непременно испанским именем, то ли потому, что для нее мистралийцы говорили по-испански, то ли из-за экзотической внешности. Смуглый, черноглазый, с прямыми и длинными волосами, тоже жгуче-черными, Кантор чем-то напоминал выходца из Латинской Америки. А мистралийский национальный прикид делал его похожим на персонаж из какого-то костюмированного фильма. Кантор был облачен в узкие черные штаны с очень широким поясом, украшенным бляхами, короткую черную же куртку и такую же черную рубашку с распахнутым воротом. Дополняли образ черный же шейный платок и длинная сережка в ухе.

– Я буду звать вас Диего, – сказала Ольга.

– Почему? – спросил Кантор, и в его голосе промелькнули удивление и замешательство.

– А вы на Зорро похожи, – пояснила Ольга.

– А-а, – успокоился свеженареченный Диего, даже не поинтересовавшись, кто такой Зорро и чем он на него похож.

– Ладно, вы общайтесь, – сказала Азиль, – а я пойду. Твоему другу, Кантор, пора убираться из зала, а то ему, похоже, уже хочется подраться. Так что уведу его...

И вы уходите.

– Мы скоро, – кивнул мистралиец. – А тебе правда так понравился Эспада? Или в нем что-то есть такое... что нуждается в твоей помощи?

– И то и другое. Мне понравились его косички. Он хороший человек. А еще у него два рубца на сердце, которые до сих пор болят.

– Два? Если это то, что я думаю, то должно быть три.

– Два. Или ты не о том думаешь, или не все знаешь.

– Ребята, о чем это вы? – подала голос Ольга.

– Извините, – спохватился Кантор. – Вам это... непонятно. Я немного разбираюсь в том, что видит Азиль, об этом мы и говорили.

– До встречи, – сказала Азиль, чмокнула его в щеку и смылась.

Тут-то Ольга и поняла, что капитально влипла, поскольку совершенно не знает, что теперь делать со своим новым знакомым. Как-то надо продолжать знакомство, поговорить о чем-нибудь... Советовал же король с ним закорешиться... В гости его пригласить, что ли? Он вроде музыкой интересовался... Так ведь в квартире такое, что хоть не заходи, как туда мужчину приглашать? Говорила же Тереза, опомнись, Ольга, и прибери этот хлев, вдруг кто чужой в гости зайдет. А она еще расфыркалась, кто это к ней чужой в гости может зайти... Вот и красней теперь, неряха несчастная! Мало того что сама, как идиотка, в этом белом передничке, так еще и в доме... не то что хлев, а полнейший свинарник.

– Мы прямо сейчас пойдем? – спросила она, чтобы хоть что-то сказать.

– Пожалуй, прямо сейчас не стоит. Давайте еще немного посидим, я доем свое мороженое, вы тоже... А куда бы вы хотели пойти?

– Еще не знаю, может, домой... – неуверенно предположила Ольга, надеясь, что он откажется. Ну, хотя бы из вежливости поломается. – А сейчас...

разойдемся по своим столам?

– Зачем же? Давайте посидим вместе. Прошу к нашему столу.

Когда они подошли, Азиль и ее избранник с экзотической прической как раз только что удалились. Диего познакомил девушку со своими товарищами, усадил около себя и занялся мороженым.

– Не хотите что-нибудь выпить? – предложил он. – У нас тут только водка, но можно заказать что-то еще.

– Спасибо, пусть будет водка, – согласилась Ольга и подумала: «Для храбрости и непринужденности в общении. А также для облегчения грядущего стыдобаща, когда он увидит мою квартиру».

Кантор спокойно, не удивляясь, налил ей и себе и обратился к товарищам на родном языке, поскольку другого они, видимо, не знали:

– Вам наливать?

– Давай, – отозвался большущий дяденька с усами, которого звали Торо. – А что это ты даму водкой поишь?

– Она сама согласилась. А тебе?

– Наливай, – оживился молодой франтоватый парень, которого Клара приняла за купца. – Слушай, Кантор, а что ты с ней будешь делать?

Четыре года иняза в университете даром не прошли. Мистралийский казался девушке итальянским, а итальянский, в свою очередь, так надежно втемяшился в голову Ольги, что девушка понимала практически все, о чем говорили новые знакомые. Вот только они, похоже, об этом не догадывались.

– Тебе какое дело? – Кантор недовольно посмотрел на спрашивающего.

– Ты же все равно с девушками не трахаешься, зачем она тебе? Дай я за ней поухаживаю.

– Сейчас я тебя выведу за дверь, – сказал Диего все тем же спокойным тоном, по которому невозможно было бы догадаться о содержании разговора, если бы Ольга не знала языка. – И так за тобой поухаживаю, что костей не соберешь. Если тебе нужна дама, иди по залу и знакомься.

– Тебе что, жалко? Ну попроси, чтобы она меня с подругами познакомила. Или пусть хоть посоветует, к которой можно подкатиться.

– Иди сам и знакомься, если тебе надо. Тоже, сводню нашел. – Кантор повернулся к Ольге и перешел на ортанский: – Давайте выпьем за знакомство и перейдем на «ты», если не возражаете. Мне так удобнее. А вам?

– Пожалуйста, – согласилась Ольга и утащила с тарелки соленый орех.

– Смотри-ка, у вас даже вкусы одинаковые, – засмеялся дяденька Торо. – Кантор, эта дама для тебя, как по заказу. Если она еще и мороженое так же ест, можешь сразу жениться, не прогадаешь.

– А водку она хлещет лихо, – заметил Ромеро. – Может, если я просто предложу ей два золотых, она и ломаться не будет? Не думаю, что ей кто-то заплатит больше.

– А может, я тебе предложу засунуть их себе в задницу и получить от этого удовольствие? – не выдержала Ольга.

Последовала немая сцена секунд на пять, после чего дяденька немедленно принялся извиняться, а Диего тихо захихикал, прячась за вазочкой с мороженым.

– Ты что, предупредить не мог? – обиделся Ромеро.

– Да я и не знал, – засмеялся Кантор. – Мы же только что познакомились. Так тебе и надо, чтобы не ляпал языком. Хотя бы извинился, свинья.

– Это я свинья? – надулся Ромеро и тут же обернулся к Ольге: – Послушай, я, конечно, был не прав насчет двух золотых, но Кантор у нас парень совершенно бесполезный для дам, а я очень даже ничего.

– Ромеро, заткнись! – крикнул Торо. – Кантор, сядь!

– Диего, – спросила Ольга, не столь для информации, сколько для того, чтобы отвлечь Кантора от его кровавых намерений. – А этот парень, он у вас что, дурак?

– Полнейший, – поспешно ответил Торо. – Потому мы за ним втроем и присматриваем.

– Мало того что меня свиньей обозвали, так я еще и дурак? – оскорбился Ромеро. – Сама ты дура, не знаешь, с кем связалась! Кантор ненормальный псих и полный импотент, и водиться с ним могла разве что его зашита наглухо подружка, такая же психованная...

На этот раз Торо не успел. Диего одним движением перепрыгнул через стол, на лету свалив разговорчивого товарища ударом ноги в переносицу, затем подхватил его и несколько раз ударил лицом о стену, прежде чем Торо добрался до места событий и остановил мордобой.

– Я знал, что этим кончится! – жалобно возгласил он. – Надо было его сразу увести! Чужало мое сердце, что он сегодня договорится-таки! Кантор, сядь и успокойся. Ты перепугал свою даму.

Диего медленно разжал кулаки и вернулся на свое место. Молча взял бутылку, отпил из горлышка и достал из кармана сигару.

– Сволочь, – сказал он, нервно чиркая спичками. – Скотина. Падла. Ублюдок. Да как у него повернулся его поганый язык... как он вообще смел даже вспоминать про Саэту!

Подошел Дик, осмотрел место побоища и хмуро спросил, что здесь происходит.

– Все нормально, – сказала Ольга. – Ничего не случилось.

– Тут только что дрались, – не очень уверенно проговорил охранник.

– Уже все. Ну, съездил один другому по роже, так было за что, уж ты мне поверь.

– Горячие мистральские парни... – проворчал Дик. – Чтоб больше этого не было. Что за вечер собачий, за каждым столом что-то происходит... Уже бегать задолбался. И что самое противное, самому подраться хочется. Надо было сразу закрыться, как Азиль советовала. Ладно, тихонько унесите пострадавшего, и... ушла бы ты отсюда, в самом деле. Не нравится мне все это. И тарелку из подола убери, а то встанешь и разобьешь.

– Где? Ой... – Ольга подняла с колен тарелку, упавшую со стола, и обнаружила, что в этом платье можно действительно только бежать домой, и притом бегом, по темным улочкам, тщательно прикрываясь плащом.

– Вот тебе и ой. Жаку привет передавай. Что это он не заходит? – все так же хмуро бросил Дик и быстро направился в другой конец зала, откуда уже слышался характерный звон бьющейся посуды.

– Посмотри, что ты наделал! – укоризненно сказал Кантору Торо. – То, что ты расквасил физиономию товарищу, я вполне могу понять, но ты напугал девушку и испортил ей платье, а это уже свинство с твоей стороны. Извиняйся теперь, как хочешь, а я отнесу Ромеро в комнату.

– Торо, – спросил вдруг Диего, – а тебе самому никогда не хотелось ему морду набить? Он ведь тебя достает не меньше, чем меня.

– У меня ко всему этому устойчивый иммунитет, – усмехнулся в усы Торо. – Поживешь с мое, и у тебя выработается. Действительно, пойдемте отсюда.

– Плащ мне принеси, пожалуйста. И шляпу.

– Ладно... – проворчал Торо, взвалил на плечо потерпевшего товарища и потопал на выход. Диего виновато посмотрел на Ольгу.

– Извини, пожалуйста, – покаялся он. – Я действительно так тебя напугал?

– Вообще-то, я не самая пугливая девушка в столице, – пожала плечами Ольга. – Но это было несколько... неожиданно.

– Я не хотел. Но этот козел меня достал. Ты же слышала, что он сказал.

– Догадываюсь, что страшнее оскорбления для мистралийца не существует в природе, – улыбнулась Ольга. – Только я не поняла насчет подружки.

– У меня была подруга, – вздохнул Кантор и печально потянулся за очередной вазочкой с мороженым. – Это долгая история и очень грустная, не буду тебе рассказывать. Но за это я мог бы его и убить.

Ольга вспомнила, что говорил о нем король, и подумала: «Скажи мне кто-нибудь полгода назад, что я свяжусь с киллером и буду этак запросто с ним тусоваться, не поверила бы... Да и не похож он на убийцу. И вообще, он симпатичный. Интересно, он действительно такой членопорядочный, как говорил король? Или просто нормальный мужик, а у мистралийцев считается подозрительным, когда человек не бежит за каждой юбкой?»

Диего запустил ложку в вазочку, зачерпнув чуть ли не половину ее содержимого, и снова виновато посмотрел на Ольгу.

– Не сердись. Хочешь, я тебе новое платье куплю?

– Да не надо, – поспешно отказалась она, представив себе, как будет выглядеть со стороны совместная покупка платья. – Я вообще не люблю эти платья. Они мне не идут. И зачем я их, собственно, ношу? Да ну их на фиг, эти переднички и чепчики! Подумаешь, положено! Не буду я их больше надевать, и все! И что мне сделают? Будут пальцем показывать? Плевать на всех! Я никому не обязана! Захочу – и буду ходить в штанах. Захочу – и закурю. А что я смешного сказала?

– Азиль верно говорила, что ты бунтарь, – повеселел Диего. – Надо скорее уходить, а то и ты с кем-нибудь подерешься.

– А что говорила Азиль? – не поняла Ольга, действительно доставая сигареты и спички. Чего это она, в самом деле, должна стесняться! А если кто попытается пристать, у нее тут под рукой имеется полезный кавалер, который очень быстро и доходчиво сумеет разъяснить, кому что непонятно, мордой о стенку.

– Видишь ли, – пояснил мистралиец, приканчивая мороженое, – маг, которого обжулили за карточным столом, в качестве маленькой мести хозяину заколдовал

всех, кто был в зале, довольно редким заклинанием. Оно высвобождает внутреннюю сущность человека, и тот начинает вести себя так, как ему хочется, ни с чем не считаясь. А о тебе Азиль сказала, что ты от такого заклинания начнешь восставать против всего, что тебе не нравится. Оказалась права. Ты действительно предпочитаешь ходить в штанах?

– Да, – подтвердила Ольга. – Но мне объяснили, что в штанах ходят только воительницы... ну, еще некоторые волшебницы и барды, если хотят. А порядочные горожанки должны носить платье и чепчик этот идиотский, чтобы никто не усомнился в их порядочности. Да пусть сомневаются, я не нанималась каждому доказывать, какая я порядочная. Может, я вовсе и не хочу быть порядочной. В любом случае, шлюхи в штанах не ходят. Только вот Элмар все боится, что меня будут принимать за воительницу и на каждом углу вызывать на поединки.

– Это просто, – усмехнулся Диего и потянулся за следующей порцией мороженого. – Повесь на спину какой-нибудь музыкальный инструмент, и тебя будут принимать за барда.

– Я же на них играть не умею.

– А что ты умеешь?

– Да ничего. У меня ни к чему таланта нет.

– С таким Огнем – и ни к чему нет таланта? – поразился мистралиец. – Быть такого не может! Как ты в таком случае дожила до своих лет? Огонь, если его не использовать по назначению, сжигает человека.

– Это как? – заинтересовалась Ольга. Мало ей было предстоящего дракона и непонятного проклятия, та еще и милая перспектива сгореть в Огне барда, о котором ей как-то вскользь рассказывал Жак.

– Чаще всего от этого страдает психика. Депрессии, психозы, алкоголизм и прочие прелести.

«Вот это оно и есть, – обреченно подумала Ольга. – Я-то думала, какого рожна мне не хватает? А это вон что, оказывается...»

– А что же мне делать? – спросила она. – Пока до психозов не дошло?

– Займись чем-нибудь. Если ты настолько не способна к музыке, пиши стихи или прозу или рисуй, как умеешь. Пытайся выразиться. Даже если у тебя совсем ничего не получится, по крайней мере, не сгоришь. Неужели тебе до сих пор этого никто не сказал? Разве Азиль не видела?

– Она говорила, что у меня есть Огонь. Но ничего не говорила о том, что он сжигает.

– Не знает она, что ли? Может, и не знает... Или ей просто в голову не пришло. У нее ведь совершенно особенная логика, непонятная для людей. Вот, например, ты не в курсе, для чего ей понадобился Эль Драко, да еще так срочно? О нем пять лет не было ни слуху ни духу, все уже привыкли, что он умер, и вдруг Азиль мне заявляет, что он жив и что он ей срочно нужен. Вынь да положь.

– Это она для меня, – вздохнула Ольга. – Да нет, в общем-то это не столь срочно и необходимо... Дело в том, что меня прокляли... Расскажу, если хочешь. Я все равно обязана каждому кавалеру об этом сообщать.

– Расскажи, – очень живо заинтересовался Кантор. Даже про мороженое забыл.

– Тебе кратко или подробно? – снова вздохнула Ольга, которая уже раз сорок пересказывала эту историю и успела приобрести к ней чуть ли не аллергию.

– Подробно, – попросил он. – Может, я что-то тебе посоветую. Я не специалист, но у меня есть врожденные способности, вроде как у Азиль. Вдруг меня осенит.

Пришлось изложить ему печальную историю недотепы-некроманта и увечного не то живого, не то мертвого супруга. Мистралиец слушал внимательно, не сводя с нее глаз, видно было, что эта история производит на него сильнейшее впечатление.

– Вот Азиль и хочет, чтобы я с ним встретилась живьем, – заключила Ольга, решив умолчать о драконе, чтобы лишний раз не расстраивать впечатлительного слушателя. – Она считает, что теперь мне действительно можно всерьез иметь дело только с ним. И ему со мной, наверное. Не знаю... И никто не знает.

– Вот как... – задумчиво протянул Диего, теребя свою сережку. – Значит, ты его видела изувеченного и без руки? Странно...

– Что странно?

– Что он выглядел так. Если он действительно жив, он не должен сейчас так выглядеть, за столько лет все бы давно зажило. Понятное дело, лицо в шрамах, но в старых шрамах, а не в свежих ранах. И рука тоже... Значит, ты его вывела из Лабиринта и больше он тебе не снился?

– Из какого Лабиринта? – не поняла Ольга.

– Ну, может, в классической магии это место называется как-то по-другому, не знаю, – неопределенно отмахнулся Диего. – И больше ничего не было? Тот мистик тоже не снился?

– Нет, ни разу. Ты что-нибудь понял?

– Не совсем, но, если хочешь узнать мое мнение... ерунда все это. Живи спокойно, встречайся с кем хочешь, хоть замуж выходи. Ничего не случится ни с тобой, ни с твоим мужчиной. Твой так называемый супруг никогда в жизни никого не ревновал и признавал только свободные союзы между мужчиной и женщиной. А слово «жениться» вызывало у него отвращение.

– Совсем как у его величества! – засмеялась Ольга. – Вот уж братья по разуму!

– А что, Шеллар тоже?... – улыбнулся Кантор. – Славный он у вас. Пообщавшись с ним, начинаешь тосковать по монархии.

– А как вы у себя в Мистралии жили при короле?

– Плохо помню, я был еще маленький.

– А сколько тебе сейчас лет?

– Какая разница? – вздохнул он. – Все равно не помню. Наверное, хорошо жили. Как здесь. Повезло же этой стране, что попался такой вот Шеллар, который сумел пригвоздить этих траханных Всадников Небесных и сохранить королевство... А то было бы здесь то же, что и у нас. Всадников через пару лет поперли бы пинками, никого из законных наследников не осталось бы в живых, и пошла бы битва за власть, гражданская война и прочее...

Ольга вспомнила беседу с его величеством и его спокойные рассуждения о том, что он будет делать, когда его свергнут, и у нее резко испортилось настроение. У нее даже мелькнула было идея попробовать уговорить этого симпатичного киллера поработать немного для короны, но, как только она решилась об этом заговорить, у нее попросту отнялся язык. Напрочь, как после анестезии у стоматолога, только еще сильнее. Осознав в полной мере, как действует магически обработанный Закон, Ольга оставила безнадежную идею и спросила:

– А что это твой товарищ так долго не идет?

– Наверное, пытается оказать первую помощь пострадавшему, – предположил Диего. – Я его так добросовестно отделал, что помощь ему точно понадобится.

– Так ему и надо. Чтобы не был такой свинюкой. Он у вас всегда такой или это от колдовства?

– Всегда, – кивнул мистралиец. – Но в меньшей степени. Он никогда бы не сказал мне такого в глаза в нормальном состоянии. Подумал бы, но сказать побоялся. А тут вот... – Он вздохнул, печально исследовал последнюю вазочку из-под мороженого и, убедившись, что она пуста, поставил на стол. – Действительно, что-то долго они там. Неужели реанимировать пришлось?

– Вот он, – обрадовалась Ольга, увидев, как знакомый громоздкий дяденька протискивается в дверь. – Пришел.

Диего обернулся.

– Что ты так долго? – спросил он.

– Да ну вас, – махнул рукой Торо. – Одни проблемы с вами. Этого дурня еле откачал, сомневаюсь, что он завтра сможет сесть в седло. И Эспада все-таки подрался. Какие-то уголовные элементы собрались пристать к его даме на лестнице. Дураки они совсем? Или косички не разглядели, или не поняли, что они означают? Или думали, что раз их трое, то справятся? В общем, Эспада их там же, на лестнице, в рядочек положил и пошел себе с дамой дальше, а мне пришлось со всем этим разбираться. Уходи хоть ты, пока больше ничего не натворил.

– Сейчас пойдем, – согласился Диего, взял свои плащ и шляпу и обратился к Ольге: – Где твоя одежда?

– На моем стуле. У нашего стола.

– Тогда давай заберем и пойдем.

Глава 4

Вот чисто физический секс меня не интересует, нет... Я вот обязательно думаю, что всегда должно быть какое-то чувство... какое-то чувство, я не знаю... ну я не знаю, например, накуриться там вместе или напиться...

Масяня

Она была странная, это верно. Чудная и непонятная, неправильная и ненормальная, как все, в ком есть Огонь. Смешная и нескладная в своем заляпанном соусом платье, которое действительно не шло к ее походке и жестам, ее манере двигаться и разговаривать. И в ней по-прежнему ощущалось что-то чужое и непонятное, а это всегда было для него привлекательным и заманчивым. Да, она была далеко не красавица, нескладная и где-то даже неуклюжая, но она ему нравилась. Ее живые зеленые глаза, ее косички цвета спелой пшеницы и ее неуловимая чуждость. И конечно – ее Огонь.

А еще ее манера драться. Правильная и тактически верная. Во всяком случае, с данной противницей. Отделалась испорченной прической и парой царапин, а девице перепало неплохо. Так ей и надо. Будет думать, прежде чем говорить. Почему-то любой мужчина – если он мужчина, конечно, а не мешок с дерьмом – знает, что за каждое слово нужно отвечать, только тогда оно имеет вес.

А у женщин все за просто: захотела – и ляпнула и никакого ответа за свои слова держать не обязана. Потому и не уважают мужчины женскую болтовню и пустые сплетни. Если они настоящие мужчины, конечно. Но в данном конкретном случае все получилось очень славно. Ему даже понравилось. Если уж ты, цыпочка, считаешь, что твоя коллега – стиральная доска, на которую может позариться только изголодавшийся по бабам мистралиец, так уж, будь добра, докажи, что имеешь право говорить это вслух. А если тебе сразу вдруг приспичило спрятаться за спину своего младшего писаря, так засунь язык себе в... туда, в общем, и не рассуждай, что у Ольги заскоки от хронического недотрау. А то ведь нечего делать – вытащить тебя из-за спины твоего перепуганного кавалера, который в глаза-то посмотреть боится, не то что возражать, тоже, мужчина называется... Вытащить за шиворот и бросить в круг, как положено у порядочных людей, и доказывать, что твоя соперница под гоблина готова лечь, как ты утверждаешь. И еще пальнуть в потолок из пистолета, чтобы никто не подходил и не смел мешать. И давай, детка. А если тебя хватает только на то, чтобы вцепиться сопернице в волосы, а потом и те выпустить из рук и пускать сопли в три ручья, пока тебя месят кулаками, так, опять же, засунь свой язык... и так далее. И скажи спасибо, что вышибала достаточно быстро освободился и подошел, а то бы тебе попало куда больше. Ольга рассвирепела не на шутку, а женщины в гневе бывают опасны...

– Да что же это за вечер сволочной выдался! – матерился вышибала, провожая взглядом зареванную девицу. – Уже и бабы начали! Ольга, ты что, совсем охренела? Только вашего бабского бокса мне тут не хватало!

– Не ругайся, Дик, – примирительно попросила Ольга, довольная донельзя. – Мы уже уходим.

– Уходите поскорее! Имел я в одно место такую работу! Что за дела, мать твою!.. – Закончить свою речь вышибала не успел, так как ему опять пришлось бежать наводить порядок.

Кантор помог Ольге надеть плащ, и они наконец покинули злосчастный трактир.

– Чего ты улыбаешься? – спросила девушка, на ходу расправляя пострадавшие косички и пряча их под капюшон.

– У тебя глаза горят, как у кошки, – еще шире улыбнулся Кантор. – Любишь подраться?

– Элмар это называет «высокое вдохновение битвы», – тоже улыбнулась Ольга. – А король над ним смеется.

– Не знаю, может, у принца Элмара оно и высокое, – засмеялся Кантор. – Но ты бы видела, как вы выглядели со стороны. Обхохотаться можно.

– Я понимаю, у вас это происходит серьезнее, – согласилась Ольга. – Поэтому тебе и смешно.

– У нас это действительно серьезнее. Если бы мне сказал такое не заколдованный человек, побитой мордой он бы не отделался. У нас за слова принято отвечать. Если кому-то хочется обозвать товарища, то он должен быть готов тут же выйти с ним в круг и на ножах доказать, что имеет право говорить то, что думает.

– Страсти какие! – уважительно, но без особого одобрения прокомментировала девушка. – А ты выходил?

– Разумеется. И неоднократно. Ни разу не колеблясь. Зато теперь мне никто не смеет говорить в глаза всякие гадости вроде того, что сказал Ромеро. Кстати, чтобы тебя не мучило любопытство, это неправда.

– Я знаю, – просто ответила она. – Мне Азиль говорила. Вернее, не мне, а королю, но при мне.

– Королю? – Кантор слегка опешил. – По какому поводу?

– Он спросил, правда ли это, а она сказала, что нет.

«Ох, Азиль, дитя ты бестолковое, язык у тебя как был в семь локтей длиною, так и остался...»

– А что она еще говорила?

– Много чего. Она в тебя заглянула и рассказала, что она увидела.

– Понятно. Спасибо, Азиль, спасибо, милая... Ольга, ты уж не расспрашивай меня об этом и не проси истолковать. Это все... не для обсуждения. Лучше... расскажи что-нибудь о себе. Мне о себе нельзя...

– Ладно, – охотно согласилась девушка. – Давай расскажу, как я сюда попала.

– Лучше с самого начала, – попросил он. – Как ты жила в своем мире?

Ольга вспоминала свою прежнюю жизнь, а он слушал и думал о том, как мало отличаются люди друг от друга. Такую же историю могла рассказать любая студентка и этого мира – те же лекции, преподаватели, экзамены и развеселые студенческие попойки с песнями, танцами, беседами и последующим расплыванием парочками. Ах, молодость, молодость, беззаботное время...

Они еще поговорили о лингвистическом феномене, который Ольга пыталась исследовать, но без особого успеха. А потом они дошли до дома.

– Заходи, – сказала Ольга, отпирая дверь. – Только не пугайся, у меня тут беспорядок... У нас тут была вечеринка...

Кантор смело вошел и понял, что его представления о беспорядке скудны и лишены фантазии. Заставленный грязной посудой и заваленный объедками стол выглядел примерно так же, как их собственный стол в их хижине наутро после того, как Рико где-то украл ведро свежайшего, еще теплого самогона. Но на этом сходство кончалось. На этом столике пили явно не вчера, поскольку кости и огрызки успели основательно усохнуть. Кроме маленького столика в комнате имелся еще большой письменный стол, заваленный книгами, окурками, чашками, бумагами и... хм... женским бельем. К счастью, чистым, но от такой разновидности беспорядка Кантор давно успел отвыкнуть и тут же почувствовал себя... скажем так, не совсем уверенно.

Ольга переполошенно метнулась к столу, сгребла белье в охапку, прихватив попутно несколько листов бумаги, и поспешно затолкала все в шкаф.

– Садись, – сказала она, убирая с кресла уют и горку книг. – Я сейчас быстренько все приберу.

Кантор переобулся в тапочки, которые были велики ему размера на четыре и принадлежали, видимо, его высочеству Элмару или еще кому-то таких же ненормальных размеров, и оглядел комнату подробнее. То, что он увидел, мгновенно заставило забыть про живописный беспорядок. На стене висел «Танец огня» Ферро. Подлинник. Тот самый...

– Нравится? – спросила Ольга, быстро набрасывая покрывало на кровать и сгребая со стола посуду. – Король сказал, что это подлинник.

– Он прав, – согласился Кантор, вглядываясь в парня на портрете. – А где ты его взяла?

– Купила по случаю на рынке, – отозвалась Ольга уже из кухни. – За один золотой.

За один золотой... бывает же! Какими судьбами он оказался в Ортане? Карлос продал? Или его украли? Или подарил кому-то? А может, Карлоса тоже посадили, а картину конфисковали и выбросили, поскольку портрет государственного преступника все равно никуда не повесишь...

Кантор снова посмотрел на красавца барда, изображенного в полуобороте среди прозрачных языков пламени. Красивый ты был парень, Эль Драко... Симпатичная мордашка, безукоризненная фигура, дракон этот твой разноцветный... И было у тебя две руки, для которых равны были что женщина, что гитара... И был у тебя Огонь такой силы, что легко был виден любому – он всегда горел в твоих глазах. И был у тебя волшебный голос, который прославил тебя и сделал богатым... Славный ты был парень, Эль Драко, спору нет. Жаль, что все-таки умер, что бы там ни говорили по этому поводу прекрасная Азиль, его величество Шеллар и эта смешная девочка с косичками. Очень жаль. Но ничего тут не поделаешь. Умер, и все тут. Иначе не явился бы ты на зов бестолкового некроманта в таком виде, что перепугал бедную девушку до полусмерти. Будь ты живой, ты и выглядел бы как живой. Сказать ей об этом? Или не стоит? Да нет, пожалуй, и так было достаточно слов...

Вернулась Ольга, вытерла столик и поставила на него шкатулку и коробку с кристаллами.

– Что тебе поставить?

– Что угодно, – сказал он, занимая кресло и доставая сигары. – Только, если тебе не трудно, спой мне вслух слова. Своим голосом, чтобы я мог понять. Тексты мне тоже интересны.

– Но у меня слуха нет.

– Как сможешь.

Просто поразительно, насколько безголосые барды жили в Ольгином мире. Но песни у них были удивительные и зачастую совершенно непонятные. Приходилось вырываться из плена завораживающего ритма и задавать вопросы. И если назначение телефона было понятно с трех слов, то, кто такой дьявол, Кантор не мог понять минут пятнадцать.

Спустя три часа его голова была переполнена обрывками мелодий, фразами из текстов, полезными сведениями о мифологии и системе общественного транспорта Ольгиного мира и названиями незнакомых музыкальных инструментов.

– Что тебе еще поставить? – спросила Ольга, копаясь в ящике с кристаллами. – Может, «Алису»? Где про красное на черном? Тебе должно понравиться.

– Подожди, – сдался Кантор. – Давай сделаем перерыв. У меня в голове уже все перемешалось.

– Хочешь чаю? – предложила Ольга.

– Да нет, пожалуй... Я уже третий день хочу кофе...

– Я его уже третий месяц хочу... – проворчала Ольга. – Ты бы еще велосипед попросил... – И вдруг вскричала так, что Кантор чуть не слетел с кресла от неожиданности: – А в этом мире есть кофе?!

– Да что ж ты так кричишь? Есть. А ты что, не знала?

– Мне никто об этом не говорил! Я думала, трава, которую тут называют чаем, это и все, что есть!

– Это в Ортане пьют чай. А в Мистралии – кофе. Просто его больше нигде не любят и по этому поводу даже смеются. А ты тоже любишь кофе? Здесь неподалеку есть милый ресторанчик с мистралийской кухней, можно сходить. Не знаю, как тебе, а мне после всего этого просто необходимо прийти в себя. Для этого надо, во-первых, прогуляться, во-вторых, выпить кофе и, в-третьих, просто выпить. Могу я пригласить тебя на чашку кофе?

– Даже на несколько! – обрадовалась Ольга. – Только я переоденусь.

Она скрылась за дверцей шкафа, повозилась там и появилась в совершенно невообразимой одежде. Ярко-голубые линялые штаны, серый свитер и черная кожаная куртка наподобие его собственной. А еще... ну... Как назвать эту обувь, Кантор не нашелся. Словарный запас не позволил. Помесь туфель с сапогами. По высоте вроде туфли, но со шнуровкой, как у голдианских сапог. Толстенная подошва. И белого цвета.

– Вот так я пойду, – заявила она, натягивая поверх всего этого плащ. – И пусть все удавятся!

Кантор подумал, что сам он удавится первым. От зависти. О небо, да что с ним такое? Да, лет десять назад он бы визжал от восторга, увидев такие штаны и... э-э-э... обувь. Он бы отдал за них любые деньги, натянул, умирая от восторга, и потрясал бы друзей необычным одеянием. Но сейчас-то что это с ним такое? Да, десять лет назад, увидев девушку, одетую подобным образом, он бы разбился в лепешку, чтобы добиться ее внимания, будь она хоть некрасива, хоть глупа, хоть с хвостом... Впрочем, будь она с хвостом, он бы старался еще сильнее. Но сейчас-то почему? О небо, неужели это и есть его сущность? Неужели стать собой для него значит стать прежним?

«Вот, – сказал вдруг кто-то внутри него, – ты хотел посмотреть, каков настоящий ты? Смотри. Это ты. Ты пялишься на эту вздорную девчонку в голубых штанах и белых... обуви и приходишь в восторг».

«Ничего подобного, – спохватился Кантор. – Какой еще восторг? Просто я немного удивлен. Весь вечер».

«Не морочь мне голову, – хмыкнул внутренний голос. – И себе тоже. Тебе нравится эта экзотическая девушка с ее музыкой и ее обувью. И ты будешь последним лопухом, если упустишь эту ночь и не столкнешься с ней насчет переспать».

«Заткнись! – рассердился Кантор. – Еще чего. Мальчика нашел».

– Что-то не так? – спросила Ольга, вытряхивая сумочку и перекладывая в карманы ее содержимое. – Сидишь, смотришь и молчишь...

– Нет, все нормально, – ошалело ответил Кантор, совершенно озадаченный диалогом с внутренним голосом. – А как называется твоя обувь?

– Кроссовки, – ответила девушка. – Могу я хоть раз по-людски одеться, хотя бы пока я заколдована?

– Мне нравится, – одобрил Кантор и выбрался из кресла. – Пойдем. А по пути ты мне расскажешь, что у вас там все-таки вышло с Христом. Мне как-то рассказывали, но рассказывал человек глубоко верующий, а мне интересно объективное мнение.

Прямо с порога Ольга ощутила до боли знакомый и родной запах. Кофе! Свежемолотый и свежесваренный кофе! Господи, счастье-то какое! И его прямо сейчас можно выпить! И закурить, разумеется. И наплевать, что на нее таращатся обезумевшими глазами все немногочисленные посетители ресторанчика. Пусть таращатся, лишь бы глазки не повыпадали. Она здесь не одна, так что подойти все равно никто не посмеет. Даже горячие мистральские парни, которых здесь хватало – видимо, основными посетителями ресторана были эмигранты, скучающие по отечественному напитку и общению на родном языке, – только пялятся на ее кроссовки, но сказать ничего не решаются. А стоит Диего на них посмотреть, они и пялиться перестают, отворачиваются и делают вид, что им совсем неинтересно. Как это у него получается? Ведь он даже оружие на виду не носит. Просто смотрит – и они отводят глаза.

Они сели за столик и заказали сразу две большие чашки кофе. Потом Диего взялся изучать меню, а Ольга с любопытством рассматривала зал. Интерьер был выдержан, видимо, в национальном стиле, так как отличался от других столичных заведений. Маленькое, компактное и уютное кафе. Вместо традиционных светящихся шаров – фонарики с цветными стеклами. Вместо светлых штор – пестрые яркие занавески. Композиции из сухих цветов на стенах и клетки с птичками. Днем они, наверное, поют, но сейчас птички уже спали, а в углу играл маленький оркестрик – две гитары и флейта.

– Что ты будешь? – Диего протянул меню.

– На твой вкус. Я не знаю мистралийскую кухню.

– А ты собираешься есть или закусывать? – тут же уточнил он. – И что ты будешь пить? Опять водку?

– Не мешать же теперь. Я как-то раз смешала, так такое было... Лучше буду пить водку и закусывать чем-нибудь таким... вроде тех соленых орехов.

– Хорошо, значит, соленые орехи... А еще можно... копченую рыбу, например... или маринованных улиток. Улиток будешь? А то я знаю, в Ортане их не едят.

– Не ела. Но могу попробовать.

– И еще рекомендую вельбу, квашенную с перцем. Это овощ такой.

Им принесли кофе, и Ольга зависла над чашкой, блаженно вдыхая аромат. Как мало надо человеку для счастья! Она высказала эту мысль вслух, и Диего с ней частично согласился.

– Знаешь, – сказал он, – это все относительно. Иногда для счастья надо несравненно больше, а иногда – намного меньше. Сейчас счастье для тебя – чашка кофе. Завтра может оказаться кружка рассола. Через неделю – новые сапоги. А у меня случались времена, когда пределом моих мечтаний был обычный кусок хлеба. Глоток воды. Или просто чтобы не было больно...

Он замолчал, сразу вдруг погрузнев, и стал раскуривать сигару. Ольга тоже замолчала, не зная, что сказать. Не начинать же рассыпаться в сочувствиях, на фиг ему это надо, не для того же он это сказал... Он вообще уже, наверное, пожалел, что сказал.

– Да, ты прав, – согласилась она, наконец чувствуя, что пауза затягивается. – Это относительно. Я с ужасом представляю, что бы я делала, оказавшись в мире, где не знают табака. Вот тогда бы пределом мечтаний стала сигарета... Помню, я так обрадовалась, когда в первый вечер знакомства Элмар упомянул, что король курит.

– Кстати, о короле, – оживился Диего. – Зачем он так интересовался мной? Расспрашивал Азиль и все такое? И откуда он меня знает?

– Он вообще вами интересуется, – пояснила Ольга. – Сведения собирает. Хочет найти принца Орландо и думает, что он у вас, вот и пытается вычислить, кто это. Это не ты?

– Не я, – засмеялся Диего. – Принц немного старше, если он жив. А зачем вашему королю понадобился этот несчастный многострадальный принц Орландо? Он-то что с ним делать будет?

– По-моему, ему просто интересно. Он был с ним лично знаком, и они даже вроде как дружили. А еще король обожает тайны и не может мимо них спокойно пройти. Вечно в них копается и носится с какими-то вопросами... Вот недавно спросил меня про какую-то марайю, слово-то какое нашел... спросил и забыл, а слово ко мне прицепилось, и я теперь себе мозги сушу.

– Постой, а какой сегодня день? – спохватился Диего. – Не пятница?

– Четверг.

– Ага... Это хорошо... А знаешь, что мне пришло в голову? Ни один мистик еще до этого не додумался. В нашей истории нет ни одного упоминания о детстве и юности Христа. Все его деяния начинаются с того, что он пришел в Ортан из Белой пустыни. Пешком и уже взрослый. Так вот, как тебе гипотеза: это один и тот же человек. Он переселенец. Переместился к нам, когда у вас его убили.

– Гениально! – восхитилась Ольга. – Надо будет королю рассказать. Ему понравится.

– Расскажи, – засмеялся Диего. – Он заинтересуется, поставит на уши всех мистиков и будет доставать их, пока эту гипотезу не докажут или не опровергнут.

– Значит, он будет их доставать до конца жизни, – сделала вывод Ольга. – Лучше тогда не говорить.

– Мистиков жалко? – лукаво поинтересовался Диего.

– Нет, короля. Он же так правды и не узнает и постоянно будет изнывать от любопытства.

– Быть слишком любопытным плохо, – наставительно сказал Диего. – Вредно и даже бывает опасно. А ты любопытна?

– Ужасно, – засмеялась Ольга. – Просто удивительно, как я до сих пор жива. А можно я спрошу?

– Конечно. Только не обещаю, что отвечу.

– Как у тебя получается так смотреть, что тебя сразу пугаются?

– Ну, нашла что спросить. Как тебе объяснить? Надо смотреть на человека, впрочем можно и на любое существо, так, чтобы в твоих глазах он видел свою смерть и ничего более. Но у тебя так не получится. У меня начало получаться где-то года через два.

– После чего?

– После того, как я стал убийцей, – спокойно пояснил он.

И Ольга подумала, что это, видимо, специфика его профессии и ей действительно так не научиться. Это небось приходит после какой-то сотни покойников.

– По-моему, ты начинаешь меня бояться, – спохватился Диего. – Не надо, моя работа не имеет никакого отношения к моей личной жизни. Тем более что я уже не работаю по этой специальности.

– А почему?

– По состоянию здоровья, – улыбнулся мистралиец. Это могло быть шуткой, а могло быть и правдой. Во всяком случае, Ольга поняла, что докапываться до истины не стоит, и перевела разговор на другую тему.

– Расскажи мне хоть что-нибудь о себе, – попросила она. – То, что можно.

Он опустил глаза и уставился на пепельницу, в которой дымилась его недокуренная сигара.

– Видишь ли, – медленно сказал он. – Я сегодня немного не такой, как обычно, поэтому... Я боюсь рассказать что-то такое, о чем завтра пожалею.

– А какой ты обычно?

– Довольно мрачный, ворчливый, не улыбочивый и неразговорчивый тип. Правда, музыку все равно люблю. А ты какая обычно?

– Примерно такая же, как сейчас, но не настолько наглая. Я бы никогда не рискнула выйти в город в таком виде.

– Даже со мной?

– С тобой в особенности. Тебя бы я постеснялась в первую очередь.

– Почему?

– Потому что мы только что познакомились и я не знала бы, как ты это воспримешь.

– Сейчас ты мне очень нравишься, – откровенно сказал он и поднял на нее глаза. Огромные, выразительные, черные, как ночь, с веселой искоркой где-то в глубине. – А обычному мне было бы безразлично. Так что можешь не стесняться. А скажи, эти твои... кроссовки, для чего у них такая толстая подошва? И почему они белые?

Ольга начала объяснять, чувствуя, что свидание с красавцем кабальеро начинает медленно, но верно напоминать беседы с его величеством. И что после подробного разбора стилей одежды ее мира последует еще какой-нибудь милый вопрос типа «А кто же все-таки такой Зорро?».

Они поговорили о кроссовках, об удобстве и неудобстве одежды, об ортанских чепчиках и мистралийских платках. Диего рассказал, что означают косички Эспады, а также о том, что его собственная прическа и серьга ничего не означают, а просто ему так нравится. Ольга скромно умолчала о том, как это все нравится ей, и рассказала о хиппи и панках. Диего пришел в восторг и рассказал, что идея сексуальной революции имела место в жизни и творчестве Эль Драко, но не получила широкого распространения. Потом они вместе посмеялись, представив себе, как выглядели бы мистралийские хиппи и поморские панки. Потом Ольга рассказывала все, что знала интересного о рок-музыке в целом, а восхищенный киллер-меломан чуть ли не с благоговением внимал каждому ее слову.

Когда они опомнились, оказалось, что уже больше часу ночи, и их просят покинуть заведение, поскольку оно закрывается.

Один из непреложных законов мироздания, действие которых Кантор часто испытывал на себе, гласил: если у тебя вдруг случится хорошее настроение, обязательно найдется кто-то, кто тебе его испортит. Как раз об этом он и подумал, когда им преградили дорогу на неосвященной улочке и вежливо попросили господина уступить им кошелек, одежду и девушку. Кантор прикинул, что пистолет в ближнем бою, пожалуй, не поможет и придется драться врукопашную. Понятное дело, это было не страшно и где-то даже скучно, но просто никак не соответствовало его настроению и вызвало у Кантора невыразимую досаду.

– Держи, – сказал он, сдергивая плащ и набрасывая на голову ближайшему любителю чужих кошельков и девушек. Ольга за его спиной отскочила на несколько шагов. Правильно, чтобы не мешать. Соображает девчонка, не то что некоторые бестолковые дамы, которые застывают столбом и начинают визжать и метаться, только усложняя задачу своему кавалеру...

Он увернулся от дубинки, отшвырнул ногой еще одного назойливого незнакомца и, быстро развернувшись, полоснул ножом по горлу третьего.

– Девчонку, девчонку держи! – крикнул тот, что выпутывался из плаща.

Кантор снова увернулся от дубинки, сделал выпад, промахнулся и стремительно отскочил к стене. Грабитель с дубинкой и его товарищ с плащом рванулись за ним, а тот, которого он отбросил в сторону, кинулся к Ольге. Ладно, ничего он ей не успеет сделать, сейчас, только с этими разберемся...

Кантор метнулся в сторону, так как противник попытался воспользоваться его же приемом и набросить ему плащ на голову, и, налетев на обладателя дубинки, ударил его ножом в живот. В стороне раздался выстрел, но смотреть было некогда, мистралиец едва успел уклониться и снова отпрыгнуть. Последний противник был вооружен чем-то наподобие небольшого топорика, но довольно увесистого, парировать будет сложно... Проще поднырнуть снизу и перехватить запястье... Да и сломать его к хренам, чего уж там. А пока противник вскрикивает и теряет контроль, быстро его добить. И все.

Кантор повернулся посмотреть, как дела у девушки, а то после выстрела что-то подозрительно тихо стало. И удивился в очередной раз, хотя удивляться, собственно, было нечему.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/pankeeva_oksana/o-pol-ze-proklyatiy

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)